

ПОСТАВЬ СВОЮ ПОДПИСЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КАТАЛИ МОРРО

18+

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Натали Морроу

Поставь свою подпись

«Автор»

2026

Морроу Н.

Поставь свою подпись / Н. Морроу — «Автор», 2026

Что, если ваше предсмертное письмо уже написано? Осталось только поставить подпись. Четыре года назад Лия потеряла дочь. Их последний разговор закончился ссорой, и с тех пор она не может избавиться от вопроса: могла ли она предотвратить её смерть? В группе поддержки для родителей, потерявших детей, Лия впервые встречает людей, которые понимают её боль. Потом одну из участниц находят мёртвой. Полиция считает это самоубийством. Есть признание. Но Лия замечает: в черновике женщина писала «я могла», а в последней версии — «я знала». Кто-то изменил несколько слов и превратил сомнение в вину. Вскоре погибает ещё один участник. Следы ведут к старой смерти и архиву чужих признаний. Кто-то собирает самые страшные слова людей, переписывает их истории и оставляет после себя мёртвых. Лия начинает расследование. Но человек, который знает все её тайны, уже подготовил следующий текст. На этот раз признание написано от имени Лии. Осталось только заставить её подписать.

© Морроу Н., 2026

© Автор, 2026

Натали Морроу

Поставь свою подпись

ГЛАВА 1

СТУЛ ГРЕЙС

Лия всегда выбирала место, с которого видела дверь.

До смерти Грейс она этого за собой не замечала. В ресторане могла сесть спиной к залу, в кинотеатре не проверяла, где выход, а в кабинете врача брала первый свободный стул. Теперь ей требовалось знать, кто вошёл, кто вышел и сколько шагов до коридора.

В общественном центре было три двери. Главная, тяжёлая, со стеклянной вставкой. Служёбная возле кухни. И третья, в дальнем конце коридора, которой никто не пользовался, потому что за ней находилась лестница с запахом сырого бетона.

Лия выбрала стул у стены.

Это была её восьмая встреча, и каждый раз она выбирала один и тот же стул. Не из привычки. Отсюда был виден вход в комнату, часть коридора и отражение кухонной двери в стекле дешёвой рамки с правилами пожарной безопасности.

На сиденье лежала серая подушка. Лия сняла её и поставила на соседний стул.

— Она кусается? — спросила Рут.

Лия обернулась.

Рут стояла в коридоре с бумажным стаканом в одной руке и связкой ключей в другой. На ней было синее пальто, хотя на улице держалось почти двадцать градусов. Она всегда мёрзла и всегда объясняла это плохим кровообращением, будто обязана была предъявить медицинскую причину каждому неудобству, которое причиняло её тело.

— Кто?

— Подушка. Ты каждую неделю её отсаживаешь.

— От неё пахнет пылью.

Рут наклонилась, понюхала и пожала плечами.

— От меня тоже.

Она прошла в комнату, поставила стакан на стол и сразу принялась переставлять коробки с салфетками. На каждой встрече Рут раскладывала их так, чтобы до одной можно было дотянуться с любого места. В первый вечер Лия решила, что это забота. На третий поняла: Рут просто не выносила, когда плачущий человек поднимался и шёл через всю комнату.

В коридоре хлопнула входная дверь.

Лия посмотрела туда раньше, чем успела себя остановить.

Сара вошла без сумки и без куртки. В одной руке у неё была упаковка маленьких бутылок с водой, в другой — пластиковый контейнер с печеньем. Она толкнула дверь бедром, прошла несколько шагов и поставила всё на подоконник.

— Ты рано, — сказала она Лии.

— На двадцать минут.

— Для тебя это рано.

Лия не спросила, что это значит. Сара всё равно не стала бы объяснять, если бы не захотела.

Она сняла с бутылок плёнку, бросила её в урну и задержала взгляд на Лии. Сара умела смотреть так, что человек первым отводил глаза.

Лия не отвела.

— Сколько ты спала? — спросила Сара.

— Достаточно.

— Это не число.

— Я не считала.

— Значит, меньше трёх часов.

Рут шумно выдвинула стул.

— Сара, дай ей хотя бы войти.

— Она уже вошла.

— Ты понимаешь, о чём я.

Сара поставила бутылки на стол, по одной, не опрокидывая остальные.

— Понимаю. Но если я скажу Лии, что она прекрасно выглядит и со временем станет легче, это не добавит ей сна.

Рут недовольно поджала губы. Лия почувствовала почти неприличное облегчение.

Другие люди говорили с ней так, словно смерть Грейс была тяжёлой операцией, после которой требовалось соблюдать режим. Есть. Спать. Выходить на воздух. Не винить себя. Дать времени сделать свою работу.

Время ничего не делало. Оно проходило.

Сара была единственным человеком, который не пытался выдать это за лечение.

— Два с половиной, — сказала Лия.

— Часа?

— Да.

— Сегодня?

Лия кивнула.

Сара больше ничего не спросила. Не коснулась её плеча, не предложила чай, не сказала, что Грейс хотела бы видеть мать сильной. Взяла бутылку воды, поставила возле стула Лии и отошла.

Это было хуже утешения.

За это Лия и возвращалась.

На стене над складным столом висели круглые часы с красной секундной стрелкой. Было 18:14. До начала оставалось шестнадцать минут.

Лия вытащила телефон. Новых сообщений не было. Она всё равно разблокировала экран, открыла почту и пролистала письма, которые уже читала утром. Два напоминания от банка. Уведомление от страховой компании. Реклама доставки продуктов. Письмо из отдела кадров с темой «Продление медицинского отпуска».

Она не открыла его.

С начала отпуска коллеги дважды присылали ей цветы. К первому букету приложили карточку с двадцатью тремя подписями. Второй пришёл без подписи, но Лия узнала магазин, где их офис обычно делал заказы. Через четыре дня вода завоняла, а стебли покрылись слизью.

Лия выбросила их ночью, чтобы не видеть пустую вазу утром.

— Ты опять работаешь? — спросила Сара.

— Нет.

— Тогда убери телефон.

Лия подняла голову.

— Ты всем командуешь или только мной?

— Только теми, кто позволяет.

Рут фыркнула у стола.

Сара улыбнулась. Не тепло и не холодно. Так, будто Лия дала правильный ответ в тесте, о существовании которого не знала.

В комнату вошла Прия. Она прижимала к груди чёрную тетрадь и сложенный зонт, хотя дождя не обещали. За ней появился Кaleb с пакетом из аптеки. Он поздоровался, занял стул ближе к окну и спрятал пакет под сиденье.

Меган пришла в 18:24.

На ней были светлые джинсы, зелёная рубашка и слишком аккуратный макияж. Лия уже научилась замечать такие вещи. Чем хуже Меган себя чувствовала, тем тщательнее красила ресницы. Сегодня тушь лежала без единого комка.

Меган оглядела комнату и села напротив Лии.

— Привет.

— Привет.

— Ты лучше выглядишь.

Лия посмотрела на Сару.

Та раскладывала печенье на бумажной тарелке и не вмешивалась.

— Я спала два с половиной часа, — сказала Лия.

Меган опустила взгляд.

— Прости. Я не хотела...

— Всё нормально.

— Нет, я просто подумала...

— Правда. Нормально.

Это было неправдой, но Лия не хотела заставлять Меган искать другую фразу. Их было не так много. «Ты лучше выглядишь». «Ты держись». «Я бы на твоём месте не смогла». «Не представляю, как ты это пережила».

Последнюю Лия ненавидела больше всего.

Она не пережила. Она продолжала находиться по эту сторону события, которое уже произошло. Это не одно и то же.

В 18:28 появился мужчина, которого Лия видела на нескольких встречах. Ивэн ходил нерегулярно: мог пропасть на две недели, потом явиться раньше всех и сесть у двери. Сегодня он пришёл с двумя минутами в запасе.

Ивэн.

Он был чуть старше сорока, худой, в тёмной рубашке с закатанными рукавами. Не носил обручального кольца. На запястье у него оставался светлый след, но это ничего не значило. След мог быть от часов.

Лия привыкла замечать детали, которые не значили ничего.

Пятнадцать лет работы со страховыми заявлениями научили её одному: большинство несоответствий оказывались ошибками. Неверная дата. Пропущенная строка. Один и тот же счёт, загруженный дважды. Если искать обман в каждом несовпадении, к обеду начинаешь считать преступником любого человека, который не помнит номер своего полиса.

Но иногда дата была правильной.

Иногда строку пропускали намеренно.

Ивэн поздоровался со всеми сразу и сел между Калемом и пустым стулом. Телефон он положил экраном вниз на колено.

Рут вернулась из кухни с кофейником и объявила, что кофе ужасный, но другого не будет.

Сара закрыла дверь.

Разговоры прекратились не сразу. Калек спросил Прию, как её мать. Рут пыталась выяснить, кому нужен сахар. Меган застёгивала и расстёгивала верхнюю пуговицу рубашки.

Сара молча села.

Через несколько секунд остальные сделали то же самое.

Стулья стояли кругом, но круг никогда не получался ровным. Кто-то придвигался ближе. Кто-то отодвигался к стене. Между Меган и Ивэном оставалось свободное место. Лия смотрела на него и думала, что пустые стулья в таких комнатах должны быть запрещены.

Они всегда кому-нибудь принадлежали.

— Начнём без упражнения, — сказала Сара. — Сегодня никто не обязан рассказывать, как прошла неделя.

— Тогда зачем мы пришли? — спросил Калёб.

— Чтобы хотя бы час не притворяться перед людьми, которым всё нужно объяснять.

Калёб кивнул. Его устроило.

Сара посмотрела по кругу.

— Есть что-то, что нельзя унести домой?

Рут первой потянулась к стакану. Прия открыла тетрадь, но писать не стала. Ивэн поднял голову.

Меган сидела неподвижно.

Лия увидела это раньше Сары. Может быть, потому что смотрела прямо на неё. Пальцы Меган лежали на коленях, один поверх другого, но ноготь большого пальца давил на кожу так сильно, что вокруг него появилось белое полукружие.

— Меган? — сказала Сара.

— Я не знаю.

— Знаешь.

Рут тихо вздохнула.

Меган посмотрела на часы.

— Вчера было три года и семь месяцев.

Никто не спросил, после чего. Здесь не требовались уточнения.

Сын Меган утонул в семейном бассейне. Ему было четыре года. Это Лия узнала на второй встрече, когда Рут пересказывала историю слишком громким шёпотом в коридоре, решив, что Меган уже ушла.

Она не ушла. Стояла за служебной дверью и слышала всё.

С тех пор Лия знала не только, как умер ребёнок, но и как группа предпочитала об этом говорить. «Несчастный случай». «Один ужасный момент». «Она отвернулась». Никто не произносил слово «бассейн», пока Меган не произносила его сама.

— Обычно я в этот день еду к сестре, — продолжила Меган. — У неё нет бассейна. Даже ванны нет, только душ. Глупость, я знаю.

— Это не глупость, — сказала Рут.

Сара повернула голову.

Рут подняла обе руки.

— Хорошо. Молчу.

Меган сглотнула.

— В этом году я осталась дома. Думала, смогу. Я даже вышла во двор.

В комнате зашумела вентиляция. Старый кондиционер включался с рывком, будто кто-то ударял по металлическому шкафу изнутри.

Меган вздрогнула, но не остановилась.

— Воду давно слили. Там ничего нет. Просто грязь, листья и лягушка, которая каким-то образом туда попала. Я стояла и думала о пяти минутах.

Она посмотрела на свои руки.

— Раньше я говорила, что всё случилось за минуту. Может, за две. Я говорила это полиции, мужу, матери. Всем. Потом стала говорить, что не знаю. А вчера поняла, что знаю.

Рут придвинулась ближе.

Сара сказала:

— Не надо.

Одно слово. Без повышения голоса.

Рут замерла.

— Я хотела взять её за руку.

— Я вижу.

— Иногда людям это нужно.

— Если понадобится, Меган попросит.

Меган не попросила.

Она разжала пальцы и уставилась на красные полумесяцы, оставшиеся на коже.

— Было тихо пять минут, — сказала она. — Может быть, дольше. Я услышала тишину и не пошла проверить.

Никто не двигался.

Лия знала, что сейчас должно произойти. Рут скажет, что Меган не могла знать. Прия напомним, что ребёнок мог утонуть почти бесшумно. Кaleb заговорит о травме и памяти. Кто-нибудь обязательно попытается отнять у Меган эти пять минут, уменьшить их до тридцати секунд, потому что тридцать секунд легче простить.

Сара не позволила.

— Почему ты не пошла? — спросила она.

Меган посмотрела на неё.

— Что?

— Ты сказала, что услышала тишину. Почему не проверила?

В глазах Рут появилось возмущение.

Лия почувствовала его и в себе. Вопрос был жестоким. Так нельзя спрашивать мать о моменте, когда умер её ребёнок.

Но Меган ответила.

— Я хотела допить кофе.

Её голос не изменился. Именно это сделало слова страшными.

— Он весь день кричал. Ныл. Бросался игрушками. Не хотел есть. Я отвела его во двор и сказала играть возле ступеньки. Там вода была ему по колено. Я села у двери. Потом зазвонил телефон. Моя сестра жаловалась на мужа, я слушала её и смотрела на кофе. На пенке был рисунок. Сердце. Дурацкое сердце из молока.

Меган провела ладонью по лицу, не заботясь о макияже.

— А потом стало тихо. Я поняла, что стало тихо. Но подумала: господи, пусть хоть пять минут будет тихо. Я допью кофе и пойду.

Рут заплакала первой.

Она отвернулась, взяла салфетку и прижала к глазам. Сара не остановила её. Остановила только руку, которой Рут снова потянулась к Меган.

— Не превращай её слова во что-то другое, — сказала Сара.

— Я ничего не превращаю.

— Ты уже решила, что должна её простить.

— А ты решила, что должна её добить?

Меган подняла голову.

— Она права.

Рут замолчала.

— Сара права, — повторила Меган. — Я три года рассказываю, как отвернулась на минуту. Как это могло случиться с кем угодно. Как я никогда не оставляла его одного. Но я оставила. Я услышала тишину и выбрала кофе.

Лия почувствовала во рту металлический вкус.

Грейс никогда не кричала перед смертью.

По крайней мере, Лия не слышала.

Эта мысль пришла без предупреждения и так же быстро сменилась другой: если мать не слышит крика, это не значит, что ребёнок не звал её.

Она прижала ноготь к ладони.

Сара заметила.

Конечно, заметила.

Но продолжала смотреть на Меган.

— Что произошло потом?

— Я вышла. Увидела его в воде. Он был у другой стороны бассейна.

— У глубокой?

Меган нахмурилась.

— Нет. Возле ступеньки.

— Ты же сказала, что оставила его возле ступеньки.

— Да.

— Значит, он никуда не уходил.

Меган закрыла глаза.

— Нет.

— И ты не оставляла его одного во всём дворе. Ты сидела за стеклянной дверью в нескольких метрах.

— Я не смотрела.

— Я знаю.

— Какая разница?

Сара подалась вперёд. Не ближе к Меган, а просто вперёд, положив локти на колени.

— Разница между тем, что случилось, и тем, что ты говоришь себе после. Ты можешь быть виновата. Но хотя бы будь виновата в правде.

Лия подняла на неё глаза.

Эту фразу Сара уже говорила. Не теми же словами, но смысл был тот же. На второй встрече, когда Лия впервые рассказала о Грейс. Тогда Сара не сказала, что Лия ни в чём не виновата. Она спросила, в какой именно момент Лия решила, что могла изменить случившееся.

Лия назвала момент.

Сара заставила её назвать ещё три.

Два оказались выдуманными задним числом.

Один остался.

Лия до сих пор возвращалась к нему по ночам.

— Значит, что? — спросила Меган. — Я должна придумать точную формулировку?

— Нет. Ты должна перестать менять факты, чтобы наказание казалось заслуженным.

— Он умер.

— Да.

— Пока я пила кофе.

— Да.

— И это должно меня утешить?

— Нет.

Меган рассмеялась. Один короткий звук, почти кашель.

— Тогда что ты от меня хочешь?

— Чтобы ты не врала здесь.

Сара говорила без злости, почти буднично. Назвать это нападением было невозможно.

Лия смотрела на неё и снова чувствовала то, ради чего приходила в эту комнату.

Не надежду.

Облегчение от отсутствия надежды.

Здесь никто не обещал, что боль станет меньше. Не рассказывал, будто мёртвый ребёнок продолжает жить в воспоминаниях. Воспоминание не дышит. Оно не вырастает из одежды. Не захлопывает дверь. Не оставляет тарелку в раковине, хотя его просили тысячу раз убрать за собой.

Сара не подменяла отсутствие присутствием.

— Кто такая Нора? — спросил Ивэн.

Вопрос прозвучал так буднично, что Лия сначала решила, будто ослышалась.

Меган открыла глаза.

Рут медленно опустила салфетку.

Прия перестала держать ручку над тетрадью и положила её на страницу.

Только Сара не изменилась в лице.

— Почему ты спрашиваешь? — сказала она.

Ивэн посмотрел на Меган.

— Она упомянула её имя перед встречей.

— Нет, — сказала Меган.

Слишком быстро.

— В коридоре, — продолжил Ивэн. — Ты сказала, что не хочешь закончить как Нора.

— Я такого не говорила.

— Сказала.

— Ты перепутал.

— Я хорошо помню.

Кaleb наклонился и достал из-под стула аптечный пакет. Бумага громко зашуршала. Он заглянул внутрь, будто забыл, что купил, потом снова поставил пакет на пол.

— Может, вы поговорите об этом после встречи? — предложил он.

— Нет, — сказала Сара. — Ивэн задал вопрос при всех. Пусть объяснит при всех.

Лия посмотрела на него внимательнее.

На первых встречах Ивэн почти не говорил. Представился, сказал, что потерял близкого человека, и отказался уточнять. Сара позволила. В группе не требовали документов, газетных вырезок и фотографий с кладбища. Если человек приходил и говорил, что ребёнок умер, его не заставляли доказывать право на стул.

Сегодня Ивэн сидел прямо. Ноги не скрещены. Ладони открыты.

Не поза человека, которого поймали на неловком вопросе.

— Я читал старые сообщения, — сказал он.

— Какие сообщения? — спросила Рут.

— Из группы.

— У тебя нет старых сообщений, — сказала Прия.

Ивэн повернулся к ней.

— Некоторые остались у участников.

— У каких?

— Это важно?

— Да.

Прия закрыла тетрадь.

Лия видела её такой впервые. Обычно Прия говорила тихо, будто каждое слово проходило внутреннюю проверку, прежде чем выйти наружу. Сейчас голос остался тихим, но проверка исчезла.

— Закрытый чат удалили после смерти Норы, — сказала она. — Сара просила всех удалить копии.

— Я никого не просила, — возразила Сара. — Мы вместе решили закрыть чат.

— И удалить переписку.

— Потому что семья Норы попросила не распространять её сообщения.

Ивэн взял телефон с колена, но не разблокировал.

— Значит, Нора существовала.

Рут встала.

— Что за идиотский вопрос?

— Рут, сядь, — сказала Сара.

— Он уже два месяца то появляется, то пропадает, вынюхивает, кто что писал, теперь вытаскивает Нору...

— Сядь.

Рут осталась стоять.

— Нет. Сначала пусть скажет, откуда у него сообщения.

— У меня нет переписки, — сказал Ивэн. — Только несколько скриншотов.

— От кого?

— Не могу сказать.

— Тогда убирайся.

— Рут.

В голосе Сары впервые прозвучало предупреждение: ещё одно слово — и к Ивэну здесь будут относиться иначе.

Рут села.

Сара посмотрела на Ивэна.

— Что именно ты хочешь узнать?

Он выдержал паузу.

— Кто помогал людям писать тексты.

— Какие тексты?

— Прощальные. Признания. Всё, что они оставляли после себя.

Меган побледнела.

У Лии сжалось внутри. Она ещё не понимала, почему, но вопрос прозвучал не случайно. Ивэн готовил его заранее.

— Здесь никто не пишет прощальных текстов, — сказала Сара.

— Но вы обсуждаете формулировки.

— Мы разговариваем.

— Меган только что сказала, что три года рассказывала одну версию. Вы заставили её изменить её за десять минут.

Сара не отвела взгляда.

— Я ничего её не заставляла.

— Вы задали вопросы.

— Для этого существует группа.

— Нора тоже отвечала на ваши вопросы?

Рут снова дёрнулась, но осталась на месте.

Прия смотрела на Сару.

Лия смотрела на Меган.

Та опустила руки между коленями, будто пыталась спрятать их.

— Оставь её в покое, — сказала Лия.

Ивэн повернулся.

— Кого?

— Меган.

— Я не говорю с Меган.

— Ты используешь то, что она сказала.

— Я спрашиваю о Норе.

— Тогда спрашивай без имени Меган.

Ивэн несколько секунд изучал её лицо.

— Ты — Лия.

Это прозвучало не как вопрос.

— Да.

— Про Грейс я ничего не читал.
Комната стала теснее.

Лия не почувствовала гнева сразу. Сначала возникло холодное, почти деловое понимание: Ивэн искал информацию обо всех. Он знал имена. Знал, кто умер. Знал, какие сообщения сохранились.

Потом пришёл страх.
— И не прочитаешь, — сказала она.
Сара встала.
— На сегодня хватит.
Ивэн не двинулся.
— Я хочу получить ответ.
— Ты его получил.
— Нет.
— Тогда сформулируй вопрос честно.
Он усмехнулся без удовольствия.
— Вы редактировали их тексты?
Сара подошла к двери и открыла её.
— Встреча окончена.
Стрелка часов показывала 19:17.
Обычно они сидели до восьми.
Никто не напомнил об этом.

Первым вышел Кaleb. Он забрал аптечный пакет, пробормотал, что ему нужно позвонить, и исчез в коридоре. Рут начала собирать нетронутые бутылки, хотя руки у неё дрожали. Прия спрятала тетрадь в сумку и застегнула молнию до конца.

Ивэн остался сидеть.
Меган тоже.

— Мне уйти? — спросил он.
— Я открыла дверь, — ответила Сара.
— Это не ответ.
— Другого не будет.

Он поднялся. Телефон снова оказался в его руке.

— Если кто-то захочет поговорить со мной без неё, — сказал он, глядя на остальных, — у Прии есть мой номер.

— Нет, — сказала Прия. — У меня его нет.
— Теперь есть.

Он положил на её стул сложенный листок и вышел.

Лия услышала, как закрылась главная дверь.

Рут развернула бумагу.

— Выбрось, — сказала Сара.
— Это стул Прии.
— Тогда отдай ей.

Рут протянула листок. Прия взяла его, но не посмотрела.

— Кто ему рассказал о Норе? — спросила Меган.
— Не здесь, — сказала Сара.
— Почему?

— Потому что мы не знаем, кто ещё может войти.

Лия посмотрела в коридор. Он был пуст. В стекле рамки отражалась открытая кухонная дверь и край её собственного стула.

— Что случилось с Норой? — спросила она.

Рут перестала собирать бутылки.

Меган подняла голову.

Сара посмотрела на Лию, будто прикидывала, сколько правды та выдержит.

— Она умерла, — сказала она.

— Это я поняла.

— Тогда пока тебе достаточно.

Лия встала.

— Не тебе решать.

— Сейчас — мне. Ты не спала. Меган едва держится. Рут готова вызвать полицию из-за листка с номером телефона. Если мы продолжим, никто не услышит ничего, кроме того, чего уже боится.

— А завтра?

— Завтра можешь спросить снова.

Лия хотела возразить. Вместо этого взяла бутылку, которую Сара поставила возле её стула. Она не притронулась к воде, но почему-то не смогла оставить её.

Расходиться никто не спешил. Кaleb вернулся, так и не дозвонившись, Рут убирала со стола стаканы и салфетки, Меган долго стояла у окна рядом с Прией, и только в 20:05 они вышли на парковку.

За стеклянными дверями общественного центра уже погасили половину света. На улице стало прохладнее. Днём асфальт нагрелся, и теперь от него поднимался запах пыли и бензина.

Парковочное здание находилось через дорогу. Четыре бетонных уровня, узкие пролёты и лестница, заключённая в стеклянную шахту. Верхняя площадка выступала над соседними крышами.

Рут посмотрела туда и выругалась.

— Что? — спросил Кaleb.

— Камера.

Над дверью лестницы висел чёрный полукруглый корпус.

— Она опять не работает, — сказала Рут. — Третья неделя. Я утром видела управляющего. Он сказал, заявка открыта.

— Откуда ты знаешь, что не работает? — спросил Кaleb.

— Потому что лампочка не горит.

— Может, она и не должна гореть.

— Должна. Я спросила.

Рут махнула ключами в сторону здания.

— Здесь по вечерам половина фонарей выключена.

— Ты можешь парковаться у входа, — заметила Прия.

— Там два места. На одном стоит фургон с понедельника.

Сара взяла Рут под локоть, прежде чем та шагнула с бордюра.

— Я провожу вас к машинам.

— Всех? — спросил Кaleb.

— Кого нужно.

— Мне не нужно.

— Тогда иди.

Кaleb коротко попрощался и направился к открытому участку парковки у библиотеки. Прия осталась рядом с Рут.

Лия искала Меган.

Та стояла в нескольких метрах от входа вместе с Ивэном. Лия не заметила, когда он вернулся. Возможно, он ждал снаружи всё это время.

Они разговаривали тихо.

Ивэн что-то сказал. Меган покачала головой. Он не приближался к ней и не пытался заглянуть в лицо. Просто стоял, опустив руки.

Сара тоже их увидела.

— Меган, — позвала она.

Меган обернулась.

— Я отвезу тебя домой.

— Не надо.

— Уже поздно.

— Восемь часов.

— Ты расстроена.

— Я не ребёнок.

— Я этого не говорила.

— Но ведёшь себя так, будто я не могу сама перейти дорогу.

Сара выдержала паузу.

Лия ждала, что она настоит. Сара всегда настаивала, если считала, что права. Могла повторить одну и ту же фразу трижды, не повышая голоса, пока человеку не начинало казаться, что решение он принял сам.

Но сейчас она отступила.

— Хорошо, — сказала Сара. — Напиши, когда будешь дома.

— Напишу.

— Не в общий чат. Мне.

Ивэн посмотрел на Сару.

— Почему не в общий?

Меган раздражённо выдохнула.

— Господи, прекратите оба.

— Я просто спросил, — сказал он.

— Вот именно. Ты всё время просто спрашиваешь.

Она направилась к парковочному зданию. Ивэн пошёл рядом, оставив между ними несколько шагов.

Сара смотрела им вслед.

— Ты позволишь ей уйти с ним? — спросила Рут.

— Меган взрослая.

— Десять минут назад ты хотела везти её домой.

— Она отказалась.

— И тебя это устраивает?

— Нет. Но её решение не обязано меня устраивать.

Рут недоверчиво усмехнулась.

— Запишу дату.

— Лучше запиши номер заявки на камеру, раз уж ты три недели о ней говоришь.

— Записала. И звонила дважды.

Они перешли дорогу.

Лия задержалась на тротуаре.

Меган и Ивэн вошли в лестничную шахту. За стеклом их фигуры разделились металлическими перекладинами. Ивэн придержал дверь, но не коснулся Меган.

Она что-то сказала.

Он наклонился, чтобы услышать.

Потом дверь закрылась, и их голоса исчезли.

— Лия.

Сара ждала у перехода.

Лия догнала её.

— Ты знала, что он придёт? — спросила она.

— Ивэн?

— Он был на прошлой встрече.

— Значит, вероятность существовала.

— Откуда он знает о Норе?

— Не знаю.

— Ты врёшь.

Сара не обиделась.

— Почему ты так решила?

— Потому что ты не удивилась.

— Я удивилась.

— Не было похоже.

— Я давно перестала показывать всё, что чувствую, в комнате с людьми, которые следят за моим лицом.

— Очень удобный ответ.

— Да.

Сара посмотрела на Лию.

— Нора была в группе почти два года.

— И умерла?

— Да.

— Как?

— Сегодня я не буду об этом говорить.

— Потому что я не спала?

— Потому что ты ищешь причину не ехать домой.

Лия сжала бутылку. Пластик хрустнул.

— Не делай вид, что знаешь, зачем я что-то делаю.

— Тогда скажи сама.

Лия посмотрела на улицу.

Домой она действительно не хотела.

В квартире её ждали три кружки в раковине, неразобранная сушиллка с бельём и комната Грейс, дверь которой Лия держала закрытой днём и открывала ночью. На кровати лежала толстовка, которую она уже дважды стирала, хотя никто её не носил.

— Я хочу понять, что произошло, — сказала Лия.

— С Норой?

— Со всеми вами.

— Ты тоже теперь «все мы».

— Я пришла восемь раз.

— Достаточно, чтобы Ивэн знал твоё имя.

Эта мысль снова вызвала холод под рёбрами.

— Почему ты его впустила?

— Потому что человек пришёл и сказал, что потерял ребёнка.

— Он не сказал ребёнка. Он сказал близкого человека.

— Ты хорошо слушала.

— Не уходи от вопроса.

— У меня нет права требовать свидетельство о смерти.

— Но ты можешь выгнать его.

— Теперь могу.

Лия посмотрела на стеклянную дверь, за которой исчезли Меган и Ивэн.

— А если он опасен?

— Тогда ты не пойдёшь за ним одна и не станешь выяснять это сегодня ночью.

— Я и не собиралась.

— Хорошо.

— Перестань говорить со мной как с ребёнком.

Сара взяла смятую бутылку из её руки, расправила пластик пальцами и вернула.

— Тогда перестань ждать разрешения не делать глупости.

Лия хотела сказать что-нибудь резкое.

Не сказала.

Рут и Прия показались на втором уровне. Рут махнула сверху. Сара подняла руку в ответ.

— Я пойду с ними, — сказала она. — Твоя машина где?

— На улице.

— Напиши, когда доедешь.

— В общий чат или лично тебе?

Сара улыбнулась.

— Можешь вообще не писать. Но если не напишешь, я позвоню.

— Это угроза?

— Предупреждение.

Лия направилась к своей машине.

Когда она обернулась, Сара уже вошла на лестницу. Её фигура появилась за стеклом, поднялась на первый пролёт и исчезла за бетонной стеной.

Меган и Ивэна на верхних уровнях не было видно.

Дома Лия первым делом включила свет на кухне.

Потом в коридоре.

Потом в гостиной.

Она всегда делала это в одном порядке. Темноты Лия не боялась. Ей было хуже от мысли, что за спиной осталось неосвещённое пространство.

Телефон показывал 20:42.

Лия положила ключи на стол, сняла обувь и открыла холодильник. Внутри стояли йогурт, горчица, половина лимона и контейнер с едой, которую Рут принесла три дня назад. На крышке была наклейка: «Разогреть две минуты. И съесть, Лия. Оба действия обязательны».

Она закрыла холодильник.

В ванной смыла макияж, хотя утром почти не красилась. В зеркале лицо выглядело серым. Сара была права: два с половиной часа сна нельзя было спрятать консилером.

Лия достала из шкафа таблетки, положила одну на ладонь и простояла так почти минуту.

Потом убрала обратно.

Препарат помогал уснуть, но не мешал просыпаться. После него кошмары становились плотнее, и первые несколько секунд Лия не понимала, что Грейс мертва. Эти секунды были единственным временем, когда дочь снова существовала.

Потом память возвращалась.

Лия предпочитала не засыпать.

Она прошла по коридору и остановилась перед комнатой Грейс.

Дверь была закрыта.

Лия положила ладонь на ручку, но не нажала.

С другой стороны ничего не происходило. Не играла музыка. Не скрипела кровать. Грейс не разговаривала с кем-то по телефону и не просила не входить.

Лия убрала руку.

На кухне завибрировал телефон.

Она вернулась слишком быстро, ударилась бедром о край стола и схватила аппарат.

Сообщение было от Сары: «Ты дома?» Лия посмотрела на время: 21:03.

«Да».

Ответ пришёл почти сразу: «Поешь». Лия написала: «Не командуй», но стёрла.

Открыла холодильник, достала контейнер Рут и поставила в микроволновку. Две минуты смотрела, как еда вращается за мутным стеклом.

В 21:27 в общем чате появилось сообщение от Калеба.

«Все добрались?»

Прия ответила первой.

«Да».

Сара не ответила.

Меган тоже.

Лия съела четыре ложки, накрыла контейнер и вернула его в холодильник.

Потом села за кухонный стол и открыла чат группы.

В нём было двадцать три участника, хотя на встречи редко приходило больше восьми. Некоторые не писали месяцами. Двое продолжали оставаться в списке после смерти. Администраторами были Сара и Рут: Сара вела разговоры, Рут добавляла участников и сохраняла объявления.

Лия нажала на поиск и ввела имя Норы.

Ничего.

Попробовала фамилию, которую не знала, и сама увидела бессмысленность этого действия.

Открыла профиль Ивэна. Фотографии не было. Номер с кодом Северной Каролины. Статус скрыт.

Она вернулась к чату.

В 22:04 Сара написала:

«Сегодня было тяжело. Не продолжайте разговор с Ивэном вне группы, пока мы не выясним, откуда у него закрытая информация».

Рут сразу ответила: «Надо сообщить в полицию». Сара спросила: «О чём?» «Он собирает данные о мёртвых детях», — написала Рут. «Мы не знаем, что он собирает», — возразил Калеб. «А я знаю, что нормальные люди так не делают», — ответила Рут.

Прия ничего не писала.

Лия открыла личный чат с ней.

Последнее сообщение было недельной давности: адрес дешёвой химчистки и фотография вывески. Лия набрала: «Кто такая Нора?»

Палец завис над кнопкой отправки, и она удалила текст.

В 22:16 Сара написала лично: «Не отвечай никому сегодня ночью». Лия нахмурилась и спросила: «Почему?» Сообщение прочитали, но ответа не было.

Через несколько секунд над строкой появилась надпись: Сара печатает.

Исчезла.

Появилась снова.

«Потому что ночью люди принимают страх за ясность».

Лия перечитала фразу дважды.

В общем чате появилось новое сообщение.

Меган.

«Спасибо, что позволили сказать правду».

На экране сразу возникли три точки. Кто-то печатал ответ.

Рут.

Точки пропали, появились снова и снова исчезли. Лия открыла клавиатуру, набрала «Ты дома?» и не отправила. Сара написала ей отдельно: «Не отвечай». Лия посмотрела на сообщение Меган.

Пять слов. Без точки. Без смайлика. Без привычного «спокойной ночи».

Спасибо, что позволили сказать правду.

Фраза выглядела завершённой: не как начало разговора, а как последнее предложение. Лия набрала: «Меган, позвони мне». Большой палец лежал на синей стрелке.

Она могла отправить сообщение, а потом сказать Саре, что не видела её просьбу. Могла позвонить. Могла найти номер Меган в списке участников и не спрашивать разрешения.

Но Сара знала эту группу четыре года.

Сара умела отличать страх от ясности.

Сара не говорила, что всё обязательно будет хорошо.

Лия стёрла текст.

Закрыла чат.

Положила телефон экраном вниз.

В квартире было тихо.

Она просидела так почти минуту, прежде чем поняла, что ждёт нового сообщения.

Оно не пришло.

ГЛАВА 2

ПРИЗНАНИЕ

Телефон зазвонил в 22:52. Лия не сразу поняла, что звук идёт с кухонного стола. Она сидела в темноте, хотя во всех остальных комнатах оставила свет. Экран вспыхивал, гас и снова вспыхивал: Прия. Лия ответила на четвёртом звонке.

— Да.

В трубке было шумно. Хлопнула автомобильная дверь, кто-то сказал отойти за ограждение.

— Ты дома? — спросила Прия.

— Да.

— Меган нашли.

Лия выпрямилась. Под телефоном на столе осталось влажное кольцо от бутылки, которую дала Сара.

— Где?

Прия вдохнула, и воздух прошёл через микрофон резким шорохом.

— В гараже. Возле центра.

Лия посмотрела на часы над плитой: 22:53.

— Она жива?

Прия не произнесла «нет». Вместо этого сказала:

— Полиция здесь.

Лия встала так резко, что стул отлетел и ударился о стену.

— Кто тебе позвонил?

— Её сестра. Ей позвонили из полиции: машина зарегистрирована на Меган, и в контактах... Я не знаю. Она сказала, что Меган упала.

Слово было неправильным. Лия видела лестничную шахту: четыре бетонных уровня, верхняя площадка над соседними крышами. Падение оттуда не оставляло места для звонка сестре.

— Где ты сейчас?

— У парковки. Я была недалеко.

— Стой на месте. — Она уже искала ключи. — Стой там.

Лия сбросила вызов, сунула ноги в туфли и вышла, не выключив свет. До общественного центра было двенадцать минут без пробок, она доехала за девять. На последнем перекрёстке дорогу перегородила патрульная машина, синие огни вращались без sireны и вспарывали фасады домов короткими холодными вспышками. Лия свернула раньше, бросила машину у закрытой прачечной и побежала обратно.

Оцепление она увидела раньше, чем сам гараж. Жёлтая лента тянулась от фонарного столба к ограждению и перерезала въезд, за ней стояли две полицейские машины, пожарный автомобиль и белый фургон без опознавательных знаков. Верхние уровни были освещены, люди двигались за бетонными проёмами, появлялись и исчезали. Прия стояла возле дерева. На ней всё ещё была одежда со встречи, только поверх рубашки она накинула длинный серый кардиган, а чёрную тетрадь прижимала к груди обеими руками.

— Где она?

Прия посмотрела не на гараж, а на участок асфальта за припаркованным грузовиком. Там установили переносные ограждения, и полицейский держал перед собой чёрный экран, закрывая обзор с улицы.

— Ты видела?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, что это она?

— Машина наверху. Номер подтвердили. Её сестра уже едет.

— Кто нашёл?

— Мужчина. Он заезжал на парковку и увидел...

Прия не договорила. Лия посмотрела на въезд: водитель мог заметить тело из машины, значит, Меган лежала там, куда падал свет фар. Её нашли не сразу. Эта мысль оказалась хуже остальных. В общем чате сообщение появилось в 22:18, сейчас было 23:04, и между этими двумя точками Лия успела написать ответ, стереть его, послушаться Сары и отложить телефон.

— Во сколько её нашли?

— Я не знаю. Сестра тоже.

Лия достала телефон. Сообщение Меган оставалось в чате, значок доставки показывал только, что остальные получили его, а кто держал телефон отправителя, чат не сообщал. Кто-то открыл чат с её телефона. Она нажала на имя Меган: статус последнего посещения был скрыт.

— Что ты делаешь? — спросила Прия.

— Проверяю время. Она написала в 22:18. Если её нашли после этого...

— Лия. — Прия впервые посмотрела ей в лицо. — Она могла отправить сообщение и подняться наверх. Могла поставить его на таймер.

— Зачем?

— Потому что хотела, чтобы мы прочитали его после.

За ограждением кто-то попросил фотографа снять лестничную дверь. Вспышка осветила стекло, металлические перила и чёрный корпус камеры над входом. Той самой камеры. Рут жаловалась на неё меньше трёх часов назад.

— Она не работает, — сказала Лия. — Камера на лестнице не работает третью неделю.

— Откуда ты знаешь?

— Рут сказала при всех.

Лия подошла к ленте. Полицейский поднял ладонь: дальше нельзя.

— Я знаю эту женщину. Камера над лестницей не работает. Не сегодня, есть заявка на ремонт.

Он посмотрел на камеру, потом на Лию.

— Ваше имя?

— Лия Уорд.

Имя прозвучало чужим, слишком чётким и официальным. Полицейский достал блокнот и спросил, откуда она знала погибшую. Из одной группы поддержки. Была ли она с ней сегодня? До восьми, может, чуть позже. Прия подошла и остановилась рядом: «Я тоже». Он записал их имена и спросил, видел ли кто-нибудь, как Меган покидала общественный центр.

— Она не уехала, её машина здесь, — сказала Лия и вспомнила стеклянную лестницу: Ивэн держал дверь, Меган шла впереди него. — Она вошла в гараж с мужчиной.

Ручка полицейского остановилась.

— С каким мужчиной?

— Его зовут Ивэн. Фамилии я не знаю. Он около двух месяцев ходит в группу, но нерегулярно. Они разговаривали, потом вместе вошли на лестницу. Около восьми пяти: когда мы вышли, на часах было 20:05.

— Что произошло на встрече?

— Это конфиденциальная группа, — сказала Прия и сжала тетрадь сильнее.

— Женщина погибла через несколько часов после встречи. Сейчас мне важнее понять, в каком она была состоянии.

— Она была расстроена, — сказала Лия.

— Насколько?

Перед глазами снова появилось лицо Меган: размазанная тушь, красные следы от ногтей на ладонях. «Я услышала тишину и выбрала кофе».

— Она говорила о смерти сына.

— О самоубийстве говорила?

— Нет.

Прия коснулась её локтя, но было слишком поздно.

— Она написала сообщение в общий чат, — сказала Лия. — В 22:18.

— Покажите.

Лия открыла чат и протянула телефон. Полицейский прочитал пять слов, попросил разрешения сфотографировать экран и сделал снимок служебным телефоном.

— Не удаляйте переписку. С вами поговорит детектив.

Когда он отошёл к патрульной машине, Прия прошептала:

— Зачем ты это сделала?

— Меган мертва.

— Это не значит, что полиция должна получить всё, что она говорила в группе. Люди приходят туда, потому что знают: их слова не выйдут из комнаты.

— Её слова уже вышли. Она сама написала их в чат.

— Это был не открытый пост.

— Я показала одно сообщение.

— Пока одно, — сказала Прия и отступила.

За ограждением появился мужчина в тёмной куртке. Он поговорил с полицейским, взял блокнот и направился к ним. Ему было около пятидесяти, короткие волосы почти полностью поседели на висках. На куртке не было ни значка, ни надписи, но двигался он так, будто никто здесь не попросит его остановиться.

— Детектив Холл. Кто из вас видел Меган последней?

— Не мы, — ответила Лия. — Ивэн. Фамилии не знаю, номер телефона у Прии.

Холл посмотрел на Прию. Она не сразу поняла, потом вспомнила о сложенном листке: Ивэн оставил номер после встречи. Холл попросил показать. Листок лежал в сумке. «Тогда достаньте». Это не прозвучало приказом, но Прия подчинилась: поставила тетрадь на капот чужой машины, расстегнула сумку и начала перебирать содержимое: кошелёк, ключи, пачка салфеток, зарядный кабель. Листок нашёлся в маленьком внутреннем кармане. Холл развернул его: на бумаге было только имя и десять цифр.

— Почему он дал вам номер?

— Сказал, что может понадобится кому-то из группы. Поговорить без Сары.

— Это кто?

— Женщина, которая ведёт встречи, — сказала Лия.

Холл переписал номер. Меган ушла с этим Ивэном? Она сказала, что не нуждается в сопровождении, он пошёл рядом. Знакомы ли были до группы, Лия не знала. Был ли между ними конфликт?

Лия вспомнила вопрос о Норе, побледневшее лицо Меган, её слишком быстрый ответ: «Я такого не говорила».

— Да, — сказала она.

— Нет, — сказала Прия. — Он спросил её о прежней участнице группы. Это не конфликт.

— Меган солгала, что не называла имя Норы.

— Ты не знаешь, солгала ли она.

— Ивэн сказал, что слышал.

— А ты уже решила ему верить?

Холл поднял руку:

— По одной. — Он смотрел на Лию. — Расскажите с начала.

Она рассказала: не всю встречу, не про кофе и пять минут тишины, не про Грейс, только о вопросах Ивэна, имени Норы, закрытом чате и разговоре у входа в гараж. Холл не перебивал, один раз уточнил время, второй раз спросил, сколько людей слышали жалобу Рут на камеру. Все, кто выходил вместе с ними, ответила Лия. В том числе Ивэн? Да. И Меган? Да. Холл записал и спросил, где была Сара. Она проводила Рут и Прию к машинам, а потом Лия не знает.

— Она написала, что дома, — сказала Прия. — Лично. В 20:31.

— Сохраните.

— Я ничего не собиралась удалять.

Он вернул ей листок: «Оставьте себе, я переписал». Лия спросила, вызовут ли Ивэна. Сначала его найдут, ответил Холл. Ивэн мог быть последним, кто видел Меган живой, и Холл согласился: мог. Камера на лестнице не работает, и это уже установлено. Значит, записи нет. Холл закрыл блокнот.

— Лия, верно? Вы работаете в полиции? В прокуратуре? Тогда дайте людям, которые здесь работают, хотя бы двадцать минут.

Он сказал это без раздражения, и от этого Лии стало хуже.

— Сообщение пришло после её смерти?

Холл посмотрел на неё внимательнее.

— Почему вы решили, что она умерла до сообщения?

— Не решила. Спрашиваю.

— Точное время пока неизвестно. Но в 22:41 поступил звонок.

Двадцать три минуты. Внутри у Лии словно провернулось что-то тяжёлое.

— Значит, через двадцать три минуты после сообщения. Кто нашёл?

— Водитель, который заезжал на нижний уровень. Показания свидетеля я не обсуждаю.

Он хотел уйти, но она остановила его: что значит «точное время неизвестно»? Судебный медик ещё работает. Могла ли Меган быть мертва, когда отправилось сообщение? Прия тихо произнесла её имя. Холл посмотрел в сторону чёрного экрана, закрывавшего тело.

— Могла. Предварительно речь может идти о времени между без двадцати девять и десятью вечера. Это не официальный вывод, и окно ещё изменится.

20:40–22:00. Лия мысленно поставила рядом две отметки: 20:05 Меган входит в гараж вместе с Ивэном, 20:18 неизвестно, 20:40 начало окна, 22:00 конец, 22:18 сообщение, 22:41 тело нашли. Вслух она цифры не произнесла. Они уже выстроились в линию.

Холл отошёл. Прия взяла тетрадь с капота.

— Ты не можешь сейчас делать то, что делаешь. Собираешь таблицу.

— У меня нет таблицы.

— Она у тебя в голове.

— Она могла быть мертва, когда написала нам.

— Сообщение могло быть запланировано.

— Именно.

— Это подтверждает, что она собиралась умереть.

Лия повернулась к ней.

— Ты слишком быстро это сказала. Холл только что объяснил, что она могла умереть раньше. Про таймер сказала ты.

— Потому что это очевидно.

— Нет. Очевидно было бы решить, что она написала, а потом прыгнула.

Прия закрыла глаза.

— Я не хочу с тобой спорить рядом с её телом.

— Тогда поехали к тебе. Ты знаешь больше, чем сказала полиции. У тебя была переписка Нормы.

— Я этого не говорила.

— Ты знала, что чат удалили. Знала, что у Ивэна не должно быть скриншотов. И когда он спросил о прощальных текстах, ты посмотрела на Сару.

— Все посмотрели на Сару.

— Я смотрела на Меган.

Прия сжала губы. За ограждением двое людей подняли чёрный экран и передвинули его ближе к фургону, и Лия отвернулась.

— Поехали, — сказала Прия.

Они уехали на разных машинах. Лия следовала за красными задними огнями Прии, стараясь не потерять их на перекрёстках. Ночной Роли был почти пуст, светофоры переключались для улиц, на которых никого не было. На одном из них Прия проехала на жёлтый, и Лии пришлось остановиться. Когда загорелся зелёный, машины впереди уже не оказалось. Лия знала адрес, но следующие несколько минут провела с ощущением, что маршрут разорвался и восстановить его невозможно.

В квартире Прии пахло кардамоном и старой бумагой. На стенах висели фотографии в одинаковых чёрных рамках: родители Прии возле океана, две женщины в выпускных мантиях, девочка лет одиннадцати с кривой чёлкой и лицом Прии. Лия никогда не спрашивала, кто из них погиб. В группе это считалось нормальным: знать, что ребёнка нет, и не знать, как его звали. Прия сняла кардиган, повесила на спинку стула и спросила, будет ли Лия чай. Нет. «Я сделаю себе». Она налила воду в чайник, поставила его на плиту и долго смотрела на конфорки, будто не могла вспомнить, какую включить.

Лия села за кухонный стол. На нём лежали стопки бумаг, счета и два конверта, и Прия быстро собрала их и отнесла на подоконник.

— Где сообщение? Не то, что было в чате.

Прия замерла.

— Откуда ты знаешь?

— Ты сказала, что оно могло стоять на таймере. Пять слов не называют признанием. На парковке ты сказала: она подготовила сообщение.

— Потому что оно звучало подготовленным.

Чайник начал тихо шипеть. Прия села напротив.

— В 22:18 сестре Меган пришло письмо. Одновременно с сообщением в чат. Документ. Ссылка на документ. Она переслала мне, когда ехала в гараж, попросила сказать, похоже ли это на Меган.

— И?

— Я не знаю.

— Покажи.

— Лия...

— Ты привезла меня сюда. Ты скрыла письмо от Холла.

— Оно не моё. Я не могу отдавать чужую переписку полиции.

— Меган мертва.

— Ты уже говорила. — Прия посмотрела на телефон. — Когда умирает человек, ему начинают принадлежать меньше, чем когда он был жив. Его сообщения читают, фотографии увеличивают, вещи выворачивают из карманов. Люди решают, какая версия его жизни войдёт в отчёт. Я не хочу помогать им делать это быстрее.

— А если её убили?

— Ты уже решила?

— Я спросила.

— Так же спрашивал Ивэн.

Лия почувствовала удар точнее, чем хотела показать.

— Не сравнивай меня с ним.

— Почему? Он тоже говорит, что просто ищет правду.

Чайник засвистел. Прия встала, выключила плиту и воду не налила. Она вернулась к столу, открыла письмо и положила телефон между ними. На экране вверху стояло только одно слово: «ПРАВДА». Ни обращения, ни даты. Лия начала читать.

«Если вы это получили, я наконец сделала то, чего не смогла сделать три года назад.

Я не потеряла сына на одну минуту. Я оставила его одного. Я знала, что он был у глубокого конца бассейна. Я слышала, что он перестал кричать, и не пошла к нему. Я выбрала тишину. Потом много лет заставляла всех верить, что это был несчастный случай.

Это не было несчастным случаем.

Я не заслуживаю жить так, будто не знала, что делаю».

Дальше шли ещё два абзаца: извинение перед сестрой, просьба не устраивать публичную церемонию, инструкция отдать одежду сына в благотворительный фонд. Лия вернулась к первой части и прочитала снова.

— Что? — спросила Прия.

— Она не так говорила. Сегодня. Здесь написано: «у глубокого конца». Он был возле ступеньки. Она сказала, что он не отходил. Сара спросила, Меган ответила: он остался там, где она его оставила.

— Люди путаются.

— Она не путалась. Это была единственная деталь, в которой она была уверена.

— Лия, её сын умер больше трёх лет назад.

— И она рассказывала эту историю десятки раз.

— Поэтому могла годами повторять удобную версию. Что он был на мелкой ступеньке. Что она сидела рядом. Что всё случилось за минуту.

Лия провела пальцем по строке.

— Но сегодня она сказала, что пять минут не подходила к нему. Зачем врать про ступеньку и тут же признавать пять минут?

— Потому что вина не обязана быть логичной.

— Текст логичен. Слишком. Каждая следующая фраза делает её хуже: «оставила одного», «знала, где он», «слышала тишину», «не пошла». Это не воспоминание. Это обвинительное заключение.

Прия убрала телефон.

— Ты читаешь его как страховой отчёт.

— Потому что отчёты тоже пишут люди.

— Меган могла написать именно так.

— Могла. Но сегодня она не говорила «глубокий конец». Два слова меняют произошедшее.

Прия встала, взяла из ящика принтерную бумагу и включила маленький принтер у стены.

— Если ты не успокоишься, распечатаю, и ты сможешь подчёркивать слова сколько угодно.

Через минуту лист выполз наружу. Прия положила его перед Лией:

— Довольна?

— Нет.

Лия взяла ручку из стакана и провела линию под фразой «у глубокого конца». Она спросила, остались ли у Прии старые сообщения Меган, где та рассказывала о бассейне. Некоторые. Найди. Прия сказала, что сейчас половина второго ночи, Лия поправила: половина первого. Прия посмотрела на часы: было 00:38. Она не спала меньше суток, но выглядела так, будто усталость копилась в ней неделями.

— Я не собираю досье на людей.

— Я не просила досье. Одно сообщение.

Прия не ответила. Она открыла ноутбук на другом конце стола и ввела пароль так, чтобы Лия не видела клавиатуру. Папки были разложены по годам; Прия открыла одну, потом другую, и внутри оказались снимки, квитанции, медицинские документы и файлы с названиями из дат. Слишком аккуратно для человека, который ничего не собирал.

— Что это?

— Мои документы.

— Я вижу.

— Тогда не спрашивай.

Прия открыла архив сообщений и ввела имя Меган. Результатов оказалось больше ста. Она пролистала список, нашла нужное и развернула экран. Сообщение было отправлено одиннадцать месяцев назад: «Я знаю, что люди думают, будто я ушла в дом и оставила его. Я не оставила. Я отвернулась. Он сидел на мелкой ступеньке, и я была за стеклом. Я видела его красную машинку на бортике. Если бы я вышла на минуту раньше, он был бы жив».

— «Я не оставила. Я отвернулась», — прочитала Лия вслух. — Это не колебание памяти. Она исправляет конкретное обвинение. Кто-то сказал, что она ушла в дом, она отвечает: не ушла.

— Сегодня она признала, что годами смягчала правду.

— Пять минут вместо одной. Кофе вместо случайного телефонного звонка. Но не глубокий конец.

— Может быть, так ей было легче умереть. Сделать себя хуже.

Лия положила рядом лист с признанием и открытое сообщение на ноутбуке. Два текста. «Я не оставила его. Я отвернулась». «Я оставила его одного». Между ними были три года, одна смерть и чья-то уверенная рука.

— Когда создан документ? Открой свойства. Там может быть история версий.

— У меня только ссылка. История закрыта владельцем.

Прия нажала на значок информации: время последнего изменения сегодня, 22:18. Это время отправки, сказала Лия. Или изменения. Владелец аккаунта — Меган, но это не доказы-

вало, что писала она, и не доказывало обратное. Лия достала телефон и сфотографировала два текста рядом. Прия сразу захлопнула ноутбук.

— Удали.

— Нет. Это сообщение Меган.

— На моём компьютере. Я не давала разрешения.

— Оно было отправлено тебе.

— Не тебе.

— Тогда покажи Холлу сама.

— Я ничего не покажу полиции, пока не поговорю с сестрой Меган.

— Ты понимаешь, что документ мог создать другой человек? Пароль можно знать, телефон можно взять, текст можно подготовить заранее. Чтобы её смерть выглядела добровольной.

Прия уставилась на неё. Тишину нарушало только потрескивание остывающего чайника.

— Ты говоришь, что её убили.

— Я говорю, что текст не совпадает с её словами.

— Это не одно и то же.

— Пока нет.

— И кто, по-твоему, написал признание? Ивэн?

Лия вспомнила его телефон экраном вниз, скриншоты Норы, вопрос о людях, помогавших писать прощальные тексты, разговор с Меган, их фигуры за стеклом лестницы.

— Возможно.

— Он был с ней. Знал о старых сообщениях. Спрашивал, кто редактировал тексты. И после всего этого решил убить Меган и написать текст именно о том, о чём говорил при семи свидетелях?

— Люди делают более глупые вещи.

— Ты слышишь себя?

Лия слышала. Версия была слишком очевидной: Ивэн пришёл в группу, задал опасный вопрос, ушёл с Меган, после чего она погибла рядом с местом их последнего разговора. Если он планировал убийство, то потратил вечер на то, чтобы оставить своё имя в памяти каждого. Но глупость не исключала вины. Иногда она её сопровождала.

— Передай письмо Холлу.

— Утром.

— Сейчас. Каждый час даёт кому-то время удалить историю документа.

— У полиции уже будет телефон Меган.

— Если нашли телефон.

— Конечно, нашли.

— Ты не знаешь.

Прия взяла распечатку и сложила пополам.

— Хватит.

— Не складывай. Потом скажешь, что линия проходила через текст.

Прия посмотрела на сгиб: он пересёк фразу о глубоком конце. Раздражённо расправила лист.

— Довольна?

— Нет.

— Ты вообще способна сейчас чем-нибудь быть довольна?

Лия уставилась на распечатку. Прия отнесла её на подоконник, придавила чашкой и вернулась.

— Ты можешь остаться на диване. Но мы больше не будем это обсуждать.

— Я не останусь.

— Ты не спала прошлой ночью.

— Я не хочу спать.

— Это разные вещи.

— Сара так же говорит.

Имя изменило лицо Прии: совсем немного, веки опустились, губы сжались. Лия заметила.

— Что?

— Ничего.

— Ты посмотрела на неё, когда Ивэн спросил, кто помогал писать тексты.

— Я смотрела на всех.

— Нет.

— Ты решила запомнить вечер так, чтобы он подходил твоей версии. Что здесь есть загадка. Что если правильно расставить время и слова, Меган перестанет быть мёртвой.

Лия встала.

— Не говори мне, зачем я это делаю.

— Тогда не говори мне, куда смотреть.

Лия забрала телефон со стола. У двери Прия потребовала удалить фотографию. Лия ответила, что удалит, когда Прия покажет сообщение полиции, утром. «Тогда утром», — сказала Прия. Лия вышла.

Домой она не поехала. Сначала проехала мимо общественного центра: полицейские машины оставались на месте, белый фургон исчез, верхние уровни гаража снова погрузились в темноту. Она остановилась на противоположной стороне и просидела до 02:17, никто не входил и не выходил. В 02:18 открыла фотографию двух текстов: глубокий конец, мелкая ступенька, оставила, отвернулась. Четыре слова, две версии одной смерти. Лия увеличила снимок, пока буквы не потеряли очертания.

В 03:06 она всё-таки вернулась домой. Свет горел во всех комнатах, на кухонном столе стоял нетронутый контейнер Рут, телефон показывал три пропущенных вызова от Сары. Лия не перезвонила. Она достала блокнот, которым пользовалась для работы, и открыла чистую страницу. Вверху написала: «20:05 — Меган и Ивэн входят в гараж. 22:18 — сообщение в чат и письмо сестре. 22:41 — тело обнаружено». Ниже: «Предварительное окно: 20:40–22:00». Потом провела вертикальную линию и разделила страницу на две части. Слева написала «Группа», справа «Признание». Мелкая ступенька — глубокий конец. Отвернулась — оставила одного. Пять минут — сознательно ждала. Последняя пара была неточной, и Лия зачеркнула её.

На работе за такие вещи возвращали заявление. Нельзя было подменять слова заявителя своей формулировкой, усиливать событие, даже если итог оставался прежним. Если человек написал «не заметил», в отчёте не появлялось «проигнорировал». Если указал «рядом», координатор не имел права заменить это на «вплотную». Один глагол мог изменить ответственность. Одно прилагательное — сумму выплаты. Два слова — всю версию смерти.

Лия закрыла блокнот. За окном начинало светлеть.

* * *

В 07:42 она снова была в машине. Парковочное здание открыли, но нижнюю часть площадки всё ещё пересекала лента. Дождя не было, однако асфальт блестел после ночной мойки: там, где лежало тело Меган, осталось тёмное мокрое пятно, и вода стекала к решётке, унося мелкий мусор. Лия припарковалась возле библиотеки и прошла к гаражу пешком. Она начала с того места, где накануне стояла группа: общественный центр за спиной, переход, узкий тротуар, вход в стеклянную лестничную шахту. Дверь открывалась наружу и закрывалась медленно.

Внутри пахло пылью, мочой и чистящим средством. За стеклом двигались машины. Снаружи её было видно почти полностью, но на поворотах лестницы бетонные стены скры-

вали человека на несколько секунд. Камера висела над первой площадкой, маленький красный индикатор не горел. Под ней была наклейка обслуживающей компании и номер объекта, и Лия её сфотографировала. На втором уровне машины стояли редкими рядами, на потолке тянулись серые трубы, в каждом углу оставались слепые участки, но въезд просматривался хорошо. Если Меган приехала на своей машине, камера у шлагбаума должна была её снять.

На третьем уровне она встретила полицейского возле седана с открытой водительской дверью. Машина Меган: на пассажирском сиденье лежала зелёная рубашка или куртка. Лия не подошла ближе, но полицейский всё равно окликнул её: гараж закрыт для посторонних. Лента натянута только внизу, заметила Лия. «Значит, поставили плохо. Спускайтесь». Она сказала, что была здесь вчера и давала показания. «Тогда вы знаете, что делать». Лия развернулась и на втором уровне заметила Холла. Он разговаривал с мужчиной в жилете парковочной службы, тот показывал на въездную камеру и размахивал пропуском. Холл увидел её почти сразу. Выражение его лица не изменилось, но разговор он закончил быстрее.

— Восемь утра. Вы вообще уезжали?

— Да.

— Домой?

— Это относится к делу?

— Пока нет.

— Тогда да.

Холл посмотрел на лестницу.

— Я попросил вас дать нам двадцать минут.

— Я дала девять часов. Вы нашли Ивэна?

— Нашли. Мы с ним поговорим.

— Это не ответ.

— Вы быстро учитесь.

Лия достала блокнот и спросила, во сколько Меган въехала на машине. Холл ответил, что не обязан сообщать данные расследования. Она видела Меган последней, почти последней, возразила Лия. Именно поэтому он ничего не скажет. «В 20:58?» — спросила она, и по его лицу этого оказалось достаточно.

— Камера на въезде записала номер, — сказала Лия.

— Я этого не подтверждал.

— Вы только что подтвердили.

— Нет. Я удивился, насколько уверенно вы называете случайное время.

Лия убрала блокнот.

— В признании есть ошибка. В документе, который пришёл сестре Меган в 22:18.

Теперь он действительно отреагировал.

— Откуда он у вас?

— Прия показала. Собиралась передать копию полиции утром.

— Уже утро. Что за ошибка?

— Меган написала, что оставила сына у глубокого конца бассейна. Вчера в группе сказала, что он был на мелкой ступеньке и не двигался с места.

— Она могла лгать в группе. Или в документе решила наконец сказать правду.

— Могла. Но дело не в одной новой детали. В последней версии каждое действие Меган выглядит более осозанным, чем раньше. Будто кто-то выстраивал обвинение.

— Предсмертные записки редко строят защиту.

— Это не записка. Это отредактированное признание.

— Отредактированное кем?

— Не знаю. Ивэн? Возможно.

Холл посмотрел мимо неё на открытую сторону парковки.

— Что вы хотите от меня?

— Проверить историю документа: время создания, устройства, планирование отправки. Не считать сообщение доказательством, что она была жива в 22:18. И проверить платные улицы вокруг гаража. Если кто-то приехал вместе с Меган на другой машине, камера это увидела бы. Но человек мог оставить машину в соседнем квартале и войти пешком через лестницу.

— Какой человек?

— Тот, кто знал, что камера не работает.

— Об этом знали все на вашей встрече. Включая вас. Сара? Прия? Рут? Ивэн? Кaleb?

— Все, — сказала Лия. — Рут сама об этом сказала.

Холл перечислил их спокойно, по одному, пока версия Лии не перестала указывать на конкретного человека и не превратилась в толпу.

— Любой прохожий тоже мог войти через эту лестницу. Она открыта. У нас пока нет признаков, что с ней был второй человек. Я проверяю, понимаете ли вы собственную версию. Пока она состоит из двух разных слов в двух разных текстах и неработающей камеры, о которой знало полгорода.

Ноготь впился в ладонь.

— Запросите платежи за парковку на соседних улицах.

— У вас есть номер машины, которую я должен искать? Имя владельца? Промежуток времени?

— Сорок минут, если Меган приехала в 20:58 и умерла не раньше 20:40.

— Она не могла приехать после собственной смерти.

— Тогда от 20:58 до...

— Лия. — Он произнёс её имя негромко. — Идите домой. Вы ходите по месту, где несколько часов назад погибла ваша знакомая, собираете чужие номера объектов и пытаетесь получить сведения у полиции. Это называется мешать. Я проверю то, для чего появятся основания.

— Когда появится второе тело?

Холл перестал смотреть на лестницу.

— Откуда это взялось?

Лия сама не знала. Слова вырвались прежде, чем она успела оценить, насколько безумно прозвучат.

— Забудьте.

— Нет. Объясните.

— Это была фигура речи.

— Плохая.

— Я не знала, что полиция оценивает стиль.

— Только когда человек на месте возможного самоубийства говорит о следующем теле.

Они стояли друг напротив друга, и Лия первая отвела глаза. Внизу открылась дверь лестницы, поднялись двое мужчин с металлическим ящиком, один поздоровался с Холлом. Лия спросила, не было ли чего-то не так с телефоном Меган и был ли он при ней. Улик Холл не обсуждал. «Идите домой. Сейчас». Лия спустилась.

На улице солнце уже отражалось в окнах соседнего офисного здания, люди шли за кофе, обходя полицейскую ленту, женщина в спортивных легинсах остановилась, сфотографировала гараж и продолжила пробежку. Лия прошла вокруг квартала. На соседней улице стояли парковочные автоматы и синие таблички с номером зоны, оплата через приложение, камер почти не было: одна над входом в аптеку, другая на стене банка, направленная к банкомату. Если человек оставил здесь машину, он мог пройти до гаража меньше чем за четыре минуты. Лия включила секундомер: три минуты сорок восемь секунд. Она записала время, вернулась тем же маршрутом и остановилась у стеклянной двери лестницы: три минуты сорок одна секунда. На

тротуаре возле входа лежала раздавленная крышка от бутылки. Лия нагнулась, но не подняла её. Любая вещь рядом с местом смерти начинала казаться важной, если смотреть достаточно долго. В этом и была опасность.

К 10:20 она снова сидела на кухне Прии. Чай успел настояться. Прия поставила перед ней чашку, но Лия не прикоснулась.

— Ты ходила в полицию?

— Они сами приехали полчаса назад. Сестра Меган уже дала им доступ к письму.

— А твоё сообщение?

— Какое?

Лия посмотрела на неё. Прия села.

— То старое, где Меган пишет, что не оставляла сына? Нет. Они не спрашивали.

— Ты знала, что оно важно. Оно противоречит признанию.

— Оно подтверждает, что Меган годами рассказывала другую версию. Полиция и без меня это узнает.

— Если станет искать. У них есть готовое признание, которое объясняет смерть. Зачем им искать текст, где она сама себе противоречит?

Прия обхватила чашку ладонями.

— Потому что это их работа.

— Ты правда в это веришь?

— Я хочу верить.

— Верить и знать — разные вещи.

— Ты сегодня очень похожа на Сару. Для тебя тоже есть только один правильный способ сказать правду.

— Я не заставляю тебя признаваться.

— Пока.

Они замолчали. На подоконнике всё ещё лежала распечатка, чашку с неё убрали, сгиб проходил через середину страницы.

— Покажи сообщение ещё раз. Мне нужна точная дата: если оно отправлено давно, это не реакция на вчерашнюю встречу.

— Ты всё время говоришь «пока», — раздражённо сказала Прия. — Как будто любое обычное объяснение временное препятствие перед настоящим.

Она открыла ноутбук. Сообщение Меган было отправлено одиннадцать месяцев и шесть дней назад, в 01:14: «Я не оставила его. Я отвернулась. Он был на мелкой ступеньке». Лия переписала фразу в блокнот слово в слово.

— Не фотографируй, — сказала Прия. — И не называй моё имя полиции. Я не хочу, чтобы они забрали телефон и читали всё подряд. Там чужие сообщения.

— Нора?

Прия закрыла ноутбук.

— Мы говорим о Меган.

— Ивэн пришёл из-за Норы. Он назвал её имя.

— И через несколько часов умерла Меган. Поэтому ты решила связать всё со всем.

— А ты решила не связывать ничего.

— Потому что пока нечего.

Лия посмотрела на чёрную тетрадь. Она лежала возле локтя Прии, закрытая резинкой. На встречах Прия записывала почти каждую неделю: не всё подряд, иногда одну фразу, иногда несколько страниц.

— Что ты пишешь в тетради?

Прия положила на неё ладонь.

— Своё.

— Вчера ты записывала Меган?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Лия это заметила, а Прия заметила, что она заметила.

— Не начинай. Ты уже решила, что я лгу.

— Ты солгала?

— Нет. Меган умерла меньше двенадцати часов назад, а ты превращаешь всех вокруг в подозреваемых.

— Я попросила дату сообщения, а потом спросила, что в твоей тетради. Потому что ты скрываешь её, как будто там что-то опасное.

Прия встала.

— Тебе пора.

— Я покажу Холлу фразу.

— Без моего имени. Ты обещаешь? Потому что последнее сообщение, которое Меган отправила лично мне, было злым.

Лия не ожидала ответа.

— Насколько злым?

Прия посмотрела в окно.

— Она написала, чтобы я перестала записывать её слова. Два дня назад. Потому что я повторила то, что она сказала на прошлой встрече. Сара. Сара спросила, как Меган чувствует себя после годовщины. Одну фразу.

— Какую?

— Это не имеет отношения к смерти.

— Тогда скажи.

Прия провела пальцами по краю стола.

— Меган сказала, что боится человека, который помнит всё.

Лия ждала продолжения.

— Кого она имела в виду?

— Не знаю.

— Ивэн?

— Возможно.

— Сара?

Прия посмотрела на неё и не ответила.

— Что ты передала Саре?

— Что Меган думает уйти из группы.

— И Сара поговорила с ней? Когда? До вчерашней встречи?

— Не знаю. Лия, хватит.

— Меган обвинила тебя в том, что ты передаёшь Саре её слова, а сегодня утром ты не хочешь отдавать полиции телефон, потому что они увидят ваш конфликт.

Прия побледнела.

— Я не убивала Меган.

— Я этого не сказала.

— Но подумала.

— Я подумала, что ты защищаешь себя.

— Конечно, защищаю. Полиция увидит, что мы поссорились за два дня до её смерти. Что я хранила сообщения. Что сегодня ночью привезла тебя сюда и показала признание. Они решат, что я одержима чужими историями.

Лия посмотрела на тетрадь.

— А это не так?

Прия схватила её со стола.

— Уходи.

Лия встала.

— Я не назову твоё имя, когда передам фразу Холлу. Скажу, что видела сообщение и не могу назвать источник.

— Это прозвучит убедительно.

— Убедительность не меняет текст.

Прия открыла дверь. Лия остановилась в коридоре.

— Меган написала: «Я не оставила его. Я отвернулась». А в признании: «Я оставила его одного». Эти фразы не могут быть одинаково правдивыми.

— Могут, если человек меняет мнение о собственной вине.

— Факты не меняются вместе с мнением.

Прия тихо закрыла дверь. Лия осталась на площадке, достала блокнот и перечитала четыре строки: мелкая ступенька, глубокий конец, отвернулась, оставила одного. Признание должно было добавить правду, которую Меган скрывала. Вместо этого оно переписывало знакомые детали и убирало из них всё случайное. Другой версии больше не оставалось. Либо Меган лгала группе три года. Либо это написала не она.

ГЛАВА 3

ТО, ЧТО СКАЗАНО В КОМНАТЕ

На следующее утро в полицейском участке пахло мокрой одеждой, хотя дождя не было уже три дня. Лия сидела под вентиляционной решёткой и держала на коленях рабочий блокнот. На странице стояли четыре фразы: «Мелкая ступенька». «Глубокий конец». «Я не оставила его». «Я оставила его одного». Она переписала их начисто перед выходом из дома, без подчёркиваний, стрелок и вопросительных знаков, только слова и даты. Так информация выглядела меньше похожей на одержимость и больше на то, чем являлась: несоответствием. По крайней мере, Лия хотела, чтобы Холл увидел именно это.

На стене напротив висела табличка с правилами поведения в участке, под ней стоял автомат с водой. Каждые несколько минут внутри что-то щёлкало, будто автомат пытался выдать стакан человеку, которого рядом не было. Лия приехала в 08:47. Дежурный сообщил, что детектив Холл занят, и предложил оставить номер телефона. Она отказалась. В 09:06 тот же полицейский попросил убрать блокнот с соседнего стула, хотя зал ожидания был пуст, и Лия переложила его на колени.

В 09:19 открылась дверь служебного коридора. Холл вышел с бумажным стаканом кофе: галстука на нём не было, верхняя пуговица рубашки оставалась расстёгнутой, на левой щеке виднелась складка от подушки. Увидев Лию, он остановился.

— Вы ночевали здесь?

— Нет.

— Жаль. Тогда у вас хотя бы нашлось объяснение.

— Мне нужно передать информацию.

— Телефон изобрели именно для этого.

— Вы не отвечаете.

— Потому что я работаю. — Он сделал глоток и поморщился: кофе оказался хуже, чем он ожидал. — Пять минут.

— Мне хватит.

— Я говорил не вам.

Он провёл её в комнату без окон, где стояли металлический стол и три стула, а под камерой на стене горел красный индикатор. Запись идёт сразу, сказал Холл: он предпочитает не пересказывать потом по памяти. Он подвинул к себе чистый бланк, попросил полное имя, потом адрес, номер телефона и дату рождения. Записывал медленно, разборчивыми печатными буквами.

— Теперь информация.

Лия открыла блокнот.

— В цифровом признании Меган есть деталь, которая противоречит тому, что она говорила в группе.

— Откуда у вас текст?

— Я его видела. У человека, которому переслала сестра Меган.

Холл положил ручку.

— Имя.

— Я не могу назвать. Меня попросили.

— Вы пришли делать официальное заявление, но хотите оставить источник неофициальным?

— Сам документ у вас уже есть. Значит, источник вам не нужен.

— Это решать не вам.

Лия ждала. Холл ждал тоже, и у него это получалось лучше.

— Я обещала не называть имя.

— Тогда я не смогу использовать часть ваших слов.

— Используйте ту часть, которую можете проверить самостоятельно.

— Хорошо. Что за деталь?

Она повернула блокнот к нему. Меган много лет говорила, что оставила сына на мелкой ступеньке бассейна, где вода доходила ему примерно до колен. На последней встрече она сказала то же самое, и Сара уточнила, двигался ли он. Меган ответила, что нет. А в документе написано: «Я знала, что он был у глубокого конца бассейна».

— Дословно? Вы уверены? У вас есть копия?

— Нет.

— Фотография?

Лия вспомнила снимок в телефоне: на нём рядом лежали признание и старое сообщение Меган. Если показать фотографию, Холл увидит ноутбук Прии, край её кухонного стола и, возможно, имя аккаунта в верхней части экрана.

— Я записала фразу. У меня нет копии, которую я могу вам передать.

Холл взял ручку и спросил, кто ещё слышал версию о мелкой ступеньке. Все, кто был на встрече, ответила Лия: Сара, Прия, Рут, Калейб, Ивэн. А раньше? Она в группе недавно. Всего восемь встреч, и она помнит всё? Она читает собственные записи, сказала Лия. Холл заметил, что Меган могла изменить версию перед смертью, могла решить, что прежняя была ложью, могла считать, что оставила ребёнка одного, даже если физически находилась в нескольких метрах. Лия соглашалась на всё.

— Вы сами уничтожаете собственное заявление.

— Я отделяю то, что знаю, от того, что предполагаю.

— И что вы предполагаете?

— Что текст мог написать другой человек. Он усиливает ответственность Меган в каждой спорной точке.

— Предсмертные признания часто именно это и делают.

— Или кто-то хотел, чтобы оно выглядело предсмертным.

Холл провёл ручкой под фразой «глубокий конец».

— Вы думаете, Меган убили?

— Я думаю, вы слишком быстро приняли готовую версию.

— Кто сказал, что мы что-то приняли?

— Вы уже называете документ предсмертным признанием.

— Это вы назвали его признанием.

Лия закрыла рот. Холл откинулся на спинку стула.

— Давайте ещё раз. У вас есть противоречие между рассказом Меган в группе и текстом, отправленным с её аккаунта. Источник старой версии ваши воспоминания и сообщение, которое вы видели, но не можете предоставить. Верно?

— Старое сообщение существует.

— Я вам верю. Но в материалах дела его пока нет.

— Потому что вы его не искали.

— Потому что вы не называете источник.

— Если я назову, вы заберёте телефон и прочитаете всю переписку. Вот почему человек не хочет, чтобы я называла имя.

— А вы считаете, что ваше обещание важнее расследования смерти Меган?

Вопрос был поставлен аккуратно: не как обвинение, а как выбор из двух вариантов, один из которых заведомо выглядел хуже.

— Я считаю, что вы можете проверить формулировку без чужого телефона.

— Можем.

— Тогда проверьте. И историю документа: время создания, изменения, устройство, с которого его редактировали. Планирование отправки. Парковочные платежи на соседних улицах.

Холл перестал писать.

— Мы это уже обсуждали.

— Вы сказали, что нет оснований. Теперь есть текст, который мог написать другой человек. Если кто-то встретился с Меган в гараже, он мог оставить машину вне камер.

— Мог. Также он мог прийти пешком, приехать на автобусе, велосипеде, такси или оказаться там случайно. Возможность не равна доказательству. Мы знаем, как получать записи.

— Тогда получите.

Холл закрыл бланк.

— Вы закончили?

Лия посмотрела на красный индикатор камеры.

— Вы нашли Ивэна? Он здесь?

Холл не ответил. Из коридора донеслись шаги, кто-то остановился за дверью, раздался мужской голос, слишком тихий, чтобы разобрать слова. Лия узнала его.

— Он здесь. Вы считаете его подозреваемым? Он был последним известным человеком рядом с Меган. Сколько они разговаривали?

Холл встал.

— Я провожу вас.

В коридоре стоял Ивэн: на нём была та же тёмная рубашка, что в вечер встречи, только рукава теперь были опущены. Рядом находился полицейский в форме. Ивэн держал телефон и прозрачный пакет с зарядным кабелем. Увидев Лию, он не удивился.

— Ты тоже здесь.

Холл вышел между ними.

— Вы знакомы, это уже установлено. Разговаривать сейчас не нужно.

— Я ничего не спрашивал.

— Вот и сохраните удачную серию.

Полицейский открыл дверь соседней комнаты. Ивэн вошёл и, прежде чем дверь закрылась, посмотрел на блокнот в руках Лии. Не на неё. На блокнот.

Холл проводил её до зала ожидания.

— Он принёс телефон добровольно? — спросила она.

— Он сам показал переписку с Меган и разрешил открыть только эти сообщения. До свидания.

— Пакет прозрачный. Если бы вы изъяли телефон, он был бы опечатан.

Холл посмотрел на неё с выражением, в котором впервые появилось настоящее раздражение.

— На полное извлечение данных он согласия не дал. Оснований для ордера пока недостаточно. Координатор страховых претензий? Не следователь специального отдела? Тогда поставьте это запомнить.

— Я помню.

— По вашим действиям не видно.

— По вашим тоже.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Холл произнёс:

— Внешняя камера общественного центра подтверждает, что Ивэн разговаривал с Меган до 20:45. После этого они разошлись. В 20:47 её машина выехала из гаража. В 20:58 вернулась. Одна.

Цифры в голове сдвинулись.

— Почему вы мне это говорите?

— Чтобы вы перестали считать себя единственным человеком, который умеет смотреть запись.

— Куда уехал Ивэн? Вы ему верите?

— До свидания, Лия.

Она вышла из участка в 09:53 и в машине открыла блокнот: 20:05 Меган и Ивэн входят в гараж; 20:45 заканчивают разговор; 20:47 Меган выезжает; 20:58 возвращается одна. Между выездом и повторным въездом прошло одиннадцать минут. Этого хватало, чтобы объехать квартал. Или встретить человека, который не хотел появляться перед камерой рядом с ней. Лия добавила вопрос: где Ивэн после 20:45?

Она закрыла блокнот, но не уехала. Из здания выходили люди: женщина с мальчиком, мужчина в рабочей форме, двое полицейских с бумажными стаканами. В 10:37 приехала Сара. Лия узнала её машину и сразу опустилась ниже на сиденье. Сара припарковалась возле главного входа, немного посидела за рулём и вышла: чёрные брюки, светлая рубашка, собранные волосы, с собой только телефон. Она не осматривалась и не заметила машину Лии. В участке она пробыла тридцать четыре минуты, и Лия сама не знала, зачем засекла время: нажала кнопку секундомера, когда Сара вошла, и остановила, когда та появилась снова. Сара села в машину, но не уехала, кому-то позвонила. Через две минуты на телефон Лии пришло сообщение: «Ты была в участке?» Она не ответила. Следующее появилось почти сразу: «Холл спрашивал о встрече». Лия убрала телефон в сумку. Сара уехала в 11:16.

Ивэн вышел в 12:08, один. Телефон и кабель оставались у него, значит, полиция их не забрала. Он остановился на ступенях, закурил и посмотрел на парковку. Лия была уверена, что он её не увидит: машина стояла через два ряда, лобовое стекло отражало небо. Ивэн посмотрел прямо на неё, докурил до половины, затушил сигарету о край урны и направился через парковку. Лия заблокировала двери. Он подошёл со стороны пассажирского сиденья и постучал костяшкой в стекло. Она опустила окно на несколько сантиметров.

— Что?

— Холл сказал тебе не разговаривать со мной?

— Нет.

— Тогда почему дверь закрыта?

— Потому что ты стучишь в чужую машину на полицейской парковке.

— Логично. — Ивэн отступил на шаг. — Мне нужен кофе. Через дорогу кафе, там люди и камеры. Пятнадцать минут.

— Зачем?

Он посмотрел на вход в участок.

— Потому что я не хочу говорить здесь.

Лия подняла стекло. Ивэн не двинулся. Она могла завести машину и уехать, но вместо этого открыла дверь.

Кафе находилось на первом этаже офисного здания, внутри было шумно, пахло корицей и перегретым молоком, очередь тянулась до входа. Лия выбрала стол возле окна. Ивэн заказал чёрный кофе и ничего не предложил ей. Он сел напротив и положил телефон на стол экраном вниз.

— Ты всегда кладёшь телефон экраном вниз?

— Привычка. Удобно, когда разговариваешь с человеком, а не с уведомлениями.

Лия достала блокнот. Ивэн усмехнулся: Холл оказался прав — она записывает всё. Детектив ничего ему не говорил, но его лицо после разговора с Лией было достаточно красноречивым.

— О чём вы говорили? И без «о Меган». Конкретнее.

— Ты собираешься задавать вопросы или всё-таки слушать ответы? Я тебя позвал именно затем, чтобы ты слушала.

Ивэн снял крышку со стакана и спросил, во сколько опубликовали сообщение. Из чата его удалили ночью, утром он видел только скриншот. У кого — неважно; ему нужно было понять, совпадает ли время со смертью.

Лия напомнила, что тело нашли в 22:41, но Ивэн спрашивал не об этом. Холл интересовался, где он находился между девятью и десятью. Ивэн ответил без паузы: дома, один. Телефон был при нём, и геолокация могла это подтвердить. Полиции он добровольно показал только ту часть переписки с Меган, о которой его спрашивали.

— Меган мертва.

— Это не делает мою жизнь общественной собственностью.

Почти теми же словами говорила Прия. Лия открыла блокнот, но ничего не записала. Строчки на странице на секунду расплылись, и ей пришлось моргнуть, чтобы снова увидеть буквы.

Они вернулись к разговору Меган и Ивэна до 20:45. Меган отрицала, что называла Нору: испугалась Сары. Почему — Ивэн предложил спросить у самой Сары, но после нажима всё-таки рассказал больше.

Нора оставила не обычную записку, а подробное признание. После её смерти участники группы получили разные части. Меган узнала об этом из разговоров, но с кем именно, Ивэн не уточнил.

— Ты задаёшь одни и те же вопросы, только меняешь порядок.

— Потому что ты отвечаешь только на те, на которые тебе удобно.

Ивэн посмотрел на блокнот. — Как и ты.

Лия закрыла блокнот и спросила прямо: — Ты написал признание Меган?

Ивэн не рассмеялся и не возмутился. Поставил стакан и сказал: — Нет.

Доступ у него был, сообщения Меган он собирал, её аккаунт знал, а камера показывала их вместе до 20:45. Ивэн возразил: это не означает, что после него к Меган никто не пришёл.

— С кем она собиралась встретиться?

Имени Меган не назвала. Сказала только, что должна забрать в гараже старые распечатки или записи Норы. Ивэн передал это Холлу, и тот записал.

Когда Лия назвала одиннадцатиминутный выезд Меган из гаража, Ивэн удивился, что Холл поделился этой информацией. Потом признался: Меган потребовала, чтобы он ушёл. Человек, с которым она встречалась, не должен был его видеть. «Если она увидит тебя, ничего не отдаст».

Женщина. Ивэн, конечно, спросил, кто это, но Меган хотела сначала убедиться, что Нора действительно написала слова, которые потом разослали. Лия не тянулась к ручке: боялась,

что движение остановит его. За соседним столом засмеялись, бариста уронила металлический кувшин, кто-то извинился, хотя кофе ни на кого не пролили.

Слова Норы звучали не как её собственные, объяснил Ивэн. Сам он Нору не знал — поэтому и собирал старые сообщения, но у кого именно, говорить отказался.

— Ты записывал разговор с Меган?

Взгляд Ивэна задержался на ней чуть дольше. Он ответил «нет», но Лия напомнила о телефоне, который всегда лежал экраном вниз. Это ещё не диктофон, возразил он. Но мог им быть.

— Полиции ты показал записи?

— Какие записи?

— Вот это и есть ответ.

Ивэн взял телефон и опять спросил, во сколько отправили признание. Лия насторожилась: в общем чате было только пять слов, про документ она ему не рассказывала. О письме спрашивал Холл, пояснил Ивэн; он знал только, что оно существует.

Лия решила проверить его и назвала неверное время — 22:26.

— Нет. Сообщение было в 22:18.

Он понял слишком поздно. Лия открыла блокнот. Утренний скриншот показывал время, но кто его показал, Ивэн по-прежнему не сказал. Совпадение времени письма и сообщения было важно: оба мог запланировать один человек — Меган или тот, у кого имелся доступ.

— Ты правда думаешь, что я убил Меган, написал признание, а на следующий день сел напротив тебя выяснять время публикации?

— Люди делают и более глупые вещи.

Ивэн поинтересовался, не Холл ли это сказал. Услышав, что фраза принадлежит Лии, усмехнулся: Сара зря считает её умной.

— Она обсуждала меня с тобой?

— Нет. Просто позволила тебе спорить с ней. Остальным она объясняет, что они на самом деле хотели сказать.

— Меган не объясняла.

— Именно.

Ивэн поднялся: пятнадцать минут закончились. Лия снова спросила, где он был после 20:45. Дома, повторил он.

— Это ложь? Потому что люди чаще исправляют тебя, чем признаются сами.

Он взял стакан и посоветовал ей быть осторожнее с желанием сделать чужие слова точнее.

Ивэн ушёл. Лия осталась за столом. На дне его стакана сохранилось немного кофе, крышку он оставил, телефон забрал. Она записала: «Ивэн знает 22:18. Говорит о запланированной отправке. Меган собиралась забрать материалы Норы у женщины. “Если она увидит тебя, ничего не отдаст”». После последней строки поставила вопросительный знак, потом зачеркнула.

* * *

В 18:12 она приехала к общественному центру. Внеплановую встречу Сара назначила ещё утром в общем чате: сегодня в половине седьмого, приходите необязательно. На двери висел лист бумаги: «Встреча состоится. Вход только для действующих участников группы». Сара приклеила его четырьмя полосками прозрачного скотча, все углы лежали ровно. Внутри стулья стояли не кругом, а вдоль стен, в центре оставалось пустое пространство.

— Почему стулья стоят так?

Сара переставила один ближе к окну. Сегодня никто не должен был смотреть друг на друга, если не хотел. Поможет ли это? Нет. Зато им не придётся сидеть напротив пустого места Меган.

Под глазами у Сары лежали тёмные полосы. Впервые Лия увидела её уставшей.

— Ты была в полиции. Холл спрашивал о встрече.

— Меня тоже. Я сказала правду.

Сара снова поправила уже ровный стул и спросила, какую именно. Лия заметила, что обычный вопрос звучал бы иначе: «Как ты себя чувствуешь?»

— Тебя раздражают обычные вопросы. Поэтому да: я сразу спросила о показаниях.

Прямота на секунду лишила Лию возможности нападать. Она спросила, считает ли Холл смерть Меган самоубийством. Он не говорил. А что считает сама Сара?

— Ты знаешь, — ответила Сара. — Просто пока не решила, можно ли произнести это вслух.

Лия положила блокнот на свой стул.

— Ивэн говорит, что Меган должна была встретиться с женщиной. После разговора с ним. Он не знает, кто она.

Рука Сары осталась на спинке стула.

— Или не говорит. Я не верю людям, которые приходят в комнату скорби и начинают собирать материал.

— Какой материал?

— Чужие слова.

Лия посмотрела на стол у стены: бутылки воды, салфетки, бумажные стаканы, печенья не было.

— Кто помогал Норе писать признание?

Сара отпустила стул.

— Почему ты называешь это признанием?

— Ивэн так называет.

— Ивэн не знал Нору.

— Но ты знала. Она оставила текст?

Сара подошла к столу и выровняла стопку стаканов.

— Она оставила много текстов. Нора писала, когда не могла спать: сообщения, письма себе. Иногда приносила их сюда.

— Ты их читала?

— Некоторые.

— Редактировала?

Сара повернулась.

— Нет.

Она ответила без колебаний и без защиты. И всё же Лия вспомнила вопрос Ивэна: «Вы редактировали их тексты?» Не «читали», не «помогали». Именно «редактировали».

В 18:26 пришла Рут. Она принесла пакет с пончиками, сразу выбросила его, вспомнив, что Меган их ненавидела, а потом достала обратно: Рут уже не понимала, что теперь кому-нибудь позволено делать. Прия появилась без тетради — впервые за всё время, что Лия её знала. На вопрос Рут она коротко ответила, что оставила её дома, и на Лию не посмотрела.

К половине седьмого больше никто не пришёл. Кaleb сообщил Саре, что не может войти: он сидел в машине на парковке возле библиотеки. Ивэн в чат ничего не написал. Сара закрыла дверь, и четыре женщины заняли стулья вдоль разных стен. Пустого места Меган не было — её стул стоял возле Рут, и на нём лежала коробка салфеток.

Сара не стала просить говорить о Меган и не предложила минуту молчания: кто хочет, может молчать сколько угодно. Рут вытирала нос, Прия смотрела в пол, а Лия открыла блокнот.

— Полиция нашла письмо, которое Меган отправила сестре одновременно с сообщением в чат.

Сара спросила, что внутри. Лия назвала текст признанием и объяснила главное расхождение: Меган написала, что знала — сын находился у глубокого конца бассейна.

— Тогда она знала, что он не мог там стоять, — сразу сказала Сара. — Значит, она не просто отвернулась. Она сознательно оставила ребёнка в опасности.

Тишина наступила раньше, чем все успели понять смысл. На долю секунды в лице Сары появилось не удивление и не страх, а узнавание.

— Если текст точен, — добавила она. — И если Меган не переписала прошлое под собственную вину.

Лия не двигалась.

Рут напомнила, что ещё вчера Сара не позволяла никому оправдывать Меган. Почему же теперь допускает, что та переписала прошлое?

— Потому что Лия смотрит на меня так, будто ждёт точной формулировки, — ответила Сара почти с улыбкой.

Пришлось объяснить Рут несостыковку: на встрече Меган говорила о мелкой ступеньке, а в письме — о глубоком конце. Рут предположила, что она могла солгать группе.

— Может. Но почему первой мыслью Сары стало не «она солгала», а «она сознательно оставила ребёнка в опасности»?

Сара скрестила ноги. — Потому что именно это означают слова «я знала, что он был у глубокого конца».

— Ты даже не спросила, что ещё написано. А остальной текст важен, если кто-то сделал эту фразу жёстче.

— Лия, — предупредила Прия.

Сара услышала. Лия рассказала, что Ивэн считает признания отредактированными и что Меган собиралась забрать у женщины материалы Норы. Поверила ли она ему? Нет. Она проверяла и задавала вопросы всем.

Сара кивнула.

Сара предложила начать с главного вопроса: почему Ивэн оказался последним человеком рядом с Меган, а теперь направляет Лию к неизвестной женщине. Он не назвал имени, возразила Лия, и никого не уговаривал. Именно поэтому его версия удобна, ответила Сара: неназванного человека можно искать бесконечно.

Она встала и налила воду в четыре стакана, хотя никто не просил. Рут тем временем упрямо повторила, что Меган вчера сказала правду.

— Какую из двух? — спросила Лия.

Рут заплакала беззвучно. Сара поставила перед ней стакан и попросила сегодня ничего не выбирать: память не запись, обе версии могут быть ложными.

Лия увидела, куда Сара ведёт разговор: к вине, памяти и самонаказанию — туда, где всё снова становилось знакомым, разумным и подвластным ей.

— Ты видела письмо?

— Нет.

— Его тебе пересылали?

— Нет.

— Тогда откуда ты так быстро поняла, что означает глубокий конец?

Рут перестала плакать, Прия смотрела на Лию с ужасом. Сара подошла ближе. — Потому что слышу слова, когда люди их произносят.

— Все слышали. Но не все заранее знали формулировку.

В комнате стало тихо. Из коридора донёсся гул аппарата с водой. Сара села на стул рядом с Лией, не напротив, а рядом.

— Ты думаешь, я написала письмо Меган?

Прямой вопрос лишил Лию возможности спрятаться за намёками.

— Не знаю.

— Думаешь, я была в гараже? Что я столкнула её?

Рут всхлипнула:

— Сара, не надо.

— Нет. Пусть ответит.

Лия видела её профиль: спокойное лицо, светлая рубашка, руки лежат на коленях, пальцы не сжаты.

— Я думаю, ты слишком быстро поняла чужую формулировку.

— Потому что четыре года слушаю, как люди превращают случайность в намерение.

— Тогда ты должна была усомниться.

— Я усомнилась.

— После того как посмотрела на меня.

Сара повернула голову. Между их лицами оставалось меньше метра.

— Да, потому что увидела, что ты испугалась. Не меня. Собственной мысли.

— Какой?

— Что, если текст Меган написал другой человек, значит, последние слова Грейс тоже могли означать не то, что ты в них слышишь.

Имя дочери ударило сильнее, чем обвинение.

— Не впутывай Грейс.

— Я не впутываю. Она уже здесь. Каждый раз, когда ты ищешь точную последовательность, она сидит рядом с тобой.

Лия встала, и стул ударился о стену. Сара не потянулась к ней и не попросила остаться.

— Ты пришла сюда не ради Меган. Ты пытаешься доказать, что слова перед смертью могут принадлежать кому-то другому.

— А ты пытаешься доказать обратное.

— Нет. Я пытаюсь не дать тебе уничтожить себя первой версией, в которой появляется виновный.

— Удобно. Ты всегда можешь сказать, что любой вопрос это горе.

Сара посмотрела на неё снизу вверх.

— Иногда вопрос и есть горе.

Лия взяла куртку и блокнот. У двери Прия произнесла: «Лия, подожди». Она не остановилась.

Кaleb сидел в своей машине возле библиотеки, как и сказала Сара. Увидев Лию, вышел.

— Ты уже уходишь? Встреча закончилась?

— Для меня.

— Сара там? Меган ведь была здесь три дня назад.

— Вчера. Один день назад.

Кaleb потёр лицо ладонями.

— Я не могу сесть за руль. Не пил. Таблетки, от тревоги. Я думал, что смогу зайти, но просидел здесь полтора часа.

— Тебя отвезти?

Он кивнул. В машине Кaleb отодвинул пассажирское сиденье почти до конца и пристегнулся обеими руками, будто ремень мог не защёлкнуться. Он назвал адрес. Первые несколько минут ехали молча. На светофоре Кaleb сказал:

— Меган боялась.

— Ивэна?

— Не знаю. Она не сказала имени. Неделию назад, после встречи, спросила, можно ли удалить то, что уже рассказал в группе. Я ответил, что Сара не записывает встречи.

— Прия записывает.

Кaleb посмотрел на неё.

— Откуда ты знаешь?

— Вижу тетрадь каждую неделю.

— Это не протоколы. Спроси Прию.

Загорелся зелёный, машина позади посигналила, и Лия тронулась.

— Что именно сказала Меган?

— Что в группе есть человек, который помнит всё.

— Ивэн собирал сообщения. Значит, она говорила о нём.

Кaleb смотрел в боковое окно.

— Возможно. Но он появился недавно.

— А она боялась раньше?

Кaleb не ответил. Лия свернула к его дому и остановилась у тротуара.

— Меган имела в виду Сару?

Рука Калеба легла на дверную ручку.

— Я этого не говорил.

— Но и не сказал «нет».

Он вышел.

— Не звони мне сегодня. Я принял таблетки.

— Завтра?

Кaleb закрыл дверь. Лия смотрела, как он идёт к дому: на крыльце дважды роняет ключи, наконец открывает дверь и исчезает внутри. Она включила свет в салоне и открыла блокнот. Под строкой «Если она увидит тебя, ничего не отдаст» написала: «Человек, который помнит всё». Ниже два имени: «Ивэн», «Сара». Лия долго смотрела на них.

ГЛАВА 4

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

В 21:10 Лия достала старый телефон из нижнего ящика комода. Он лежал под гарантийными талонами, запасными ключами и инструкцией к кофемашине, которой у неё больше не было. Заряд давно разрядился, Лия подключила телефон к кабелю и села на пол возле розетки. Экран ожил не сразу: белый логотип, потом запрос пароля. Она ввела шесть цифр, день рождения Грейс.

Телефон открылся на фотографии, которую Лия не меняла четыре года. Грейс стояла возле машины, прищурившись от солнца, одной рукой прикрывала лицо, другой показывала Лии средний палец. Снимок сделали за два месяца до аварии. В тот день они тоже поссорились, и Лия уже не помнила из-за чего. Она знала, что Грейс взяла машину без разрешения, что вернулась позже обещанного, что на заднем сиденье лежала чужая куртка, но какая из этих вещей стала причиной ссоры, память не сохранила. Сохранила средний палец. Лия не удалила фотографию, потому что на ней Грейс была злой и живой: не превращённой в улыбку для поминальной карточки, не застывшей в школьном портрете, который родственники потом ставили рядом со свечами. Настоящей. Раздражённой. Готовой через минуту закатить глаза и сказать, что Лия делает драму из любой ерунды.

Телефон несколько секунд подключался к сети, и цифры в верхней части экрана сменились: 21:12. Именно в это время четыре года назад позвонила Грейс. Лия открыла журнал вызовов. Список сохранился не полностью, после переноса данных часть записей исчезла, но звонки за тот вечер она экспортировала отдельно и положила файл в папку «ДОКУМЕНТЫ»: так было легче не открывать его случайно.

21:12 входящий, пропущенный. 21:13 голосовое сообщение, 00:37. 21:19 исходящий, 04:08. 21:31 исходящий, без ответа. 21:36 входящий, неизвестный номер. Неизвестный номер принадлежал женщине, которая первой остановилась возле разбитой машины. Лия ни разу ей не перезвонила.

Она включила голосовое. Сначала был шум дороги: Грейс, судя по звуку, находилась в машине. Работал указатель поворота, ровные щелчки шли почти восемь секунд. Потом голос дочери:

— Мам, я не собираюсь опять это обсуждать. Ты слышишь только то, что хочешь услышать. Я тебе сказала, что всё нормально. Не звони мне сейчас, ладно? Просто не звони.

Пауза, шорох: Грейс, вероятно, переложила телефон в другую руку.

— И не делай потом вид, что я сама не пыталась поговорить.

Сообщение заканчивалось коротким выдохом. Не плачем. Лия четыре года пыталась решить, плакала ли Грейс. Иногда ей казалось, что да, иногда она слышала только раздражение, иногда страх. Запись не менялась. Менялась Лия. Она включила снова: указатель поворота, «Ты слышишь только то, что хочешь услышать», шорох, «Не звони мне сейчас».

В 21:19 она позвонила. Разговор продолжался четыре минуты восемь секунд, и содержание не сохранилось нигде, кроме её памяти. Это должно было успокаивать: если разговор длился больше четырёх минут, Грейс была жива, отвечала, спорила, держала телефон или говорила через автомобильную систему, а авария произошла позже. Но Лия не помнила, как именно закончился звонок. Помнила начало.

— Что значит «всё нормально»?

— Именно это и значит.

— Ты за рулём?

— Какая разница?

— Остановись.

— Я еду домой.

— Ты должна была быть дома два часа назад.

— Я не живу в тюрьме.

— Пока живёшь в моём доме, существуют правила.

Потом память рассыпалась. Остались отдельные фразы, и Лия не знала, кто из них что произнёс: «Я больше не могу». «Ты никогда не слушаешь». «Тогда не приезжай». Последняя могла принадлежать ей. Могла Грейс. Иногда Лия слышала собственный голос совершенно отчётливо, иногда понимала, что создала его позже, после аварии, когда пыталась заполнить четыре минуты тем, чего боялась больше всего. В 21:31 она позвонила снова, Грейс не ответила. Через пять минут позвонила незнакомая женщина. Лия сидела на полу и смотрела на цифры, пока экран не погас.

Сегодня исполнялось четыре года с последнего звонка. Не со дня похорон, не с момента, когда врач вышел в коридор и спросил, есть ли рядом кто-то, кто может отвезти Лию домой, не с того утра, когда она выбрала гроб, потому что сотрудник похоронного бюро не позволил сказать «мне всё равно». С последнего разговора: до 21:23 Грейс ещё могла сказать что-нибудь, что изменило бы смысл их ссоры, а после уже нет.

Телефон завибрировал в руке. Сара: «Ты дома?» Лия не ответила. Через минуту пришло второе: «Сегодня дата?» Лия не спрашивала, откуда Сара знает: она сама рассказала на третьей встрече, и Сара запомнила. Человек, который помнит всё. Лия отложила телефон.

В комнате Грейс было темно. Дверь оставалась приоткрытой с той ночи, когда Лия вернулась из гаража, и она видела край кровати, письменный стол и белую дверцу шкафа. Лия вошла. На спинке стула висели джинсы, не Грейс: Лия купила их себе год назад, принесла из магазина и почему-то оставила здесь, с тех пор не надевала. Она села на стул. На письменном столе не было ничего, кроме коробки с зарядными кабелями и старой фотографии: Грейс девять лет, передние зубы ещё не выровнялись после брекетов, в руках пластиковый кубок за участие в школьной эстафете, будто она выиграла Олимпиаду. Лия перевернула фотографию лицом вниз. Не из злости. Сегодня она не могла смотреть на девятилетнюю Грейс и слышать голос взрослой дочери, просившей не звонить.

Телефон снова завибрировал. Сара: «Я не буду звонить первой». Лия ответила: «Хорошо». Почти сразу Сара написала: «Это не значит, что я считаю тебя в порядке». Лия выключила экран.

Она открыла шкаф. На верхней полке стояла прозрачная коробка с вещами, которые полиция вернула после аварии: кошелек, один наушник, зажигалка, хотя Грейс утверждала, что не курит, разбитые солнцезащитные очки, чехол от телефона с трещиной возле камеры. Сам телефон не включался: экран раздавлен, корпус согнут, данные извлекли частично, а в отчёте было написано, что установить активное использование устройства в момент столкновения невозможно. Лия знала эту формулировку наизусть. Невозможно установить. Не «телефон не использовался», не «звонок не стал причиной», просто невозможно установить.

Она достала копию полицейского отчёта. Бумага стала мягкой по краям. Одно транспортное средство. Сухое дорожное покрытие. Освещение недостаточное. Следов торможения не обнаружено. Предполагаемая скорость выше разрешённой. Телефон обнаружен на полу со стороны пассажирского сиденья. Ремень безопасности пристёгнут. Алкоголь не обнаружен. В 21:34 машина Грейс пересекла разделительную линию и врезалась в бетонную опору старого железнодорожного моста. Свидетельница позвонила в службу спасения в 21:35. В 21:36 Лия.

Между звонком в 21:19 и звонком в 21:31 было двенадцать минут. Лия помнила четыре минуты разговора, хотя не могла восстановить слова, оставалось почти восемь. Она не помнила, что делала в эти восемь минут. Раньше считала, что стояла на кухне, потом нашла в журнале домашней сигнализации запись: задняя дверь открылась в 21:25 и закрылась в 21:28. Она выходила во двор. Зачем? Не помнила. Возможно, искала Грейс на подъездной дороге. Возможно, выбросила мусор. Возможно, курила сигарету из пачки, которую после смерти дочери нашла в собственном пальто и решила, что она принадлежала Грейс. Ни один вариант не вызывал воспоминания. В 21:31 Лия вернулась к телефону и позвонила снова. Что произошло между звонками, осталось пустым. Она положила отчёт обратно в коробку.

В 21:37 она взяла ключи от машины. Сообщение Сары по-прежнему оставалось без ответа. До места аварии Грейс ехала двадцать три минуты, Лия проезжала маршрут дольше: остановилась на первом светофоре, хотя горел зелёный, и водитель позади посигналил, на следующем перекрёстке свернула не туда, развернулась у заправки и вернулась на дорогу, которой пользовалась Грейс. Ночь была ясной, фонари работали через один. Лия держала телефон в подстаканнике экраном вверх, с двумя открытыми отметками, 21:19 и 21:31, и пыталась одновременно ехать и представлять, где могла находиться Грейс во время каждого звонка. В 21:19, скорее всего, неподалёку от торгового центра, если выехала сразу после голосового. Но она могла остановиться, провести на парковке ещё несколько минут, сначала написать кому-то сообщение. Полицейский отчёт не устанавливал точное время начала поездки.

Торговый центр Лия проехала в 21:58. Она свернула на узкую дорогу между складскими зданиями, где поток машин становился меньше, дальше начинался спуск к старой железнодорожной линии, и включила голосовое через автомобильные динамики. Салон заполнил голос Грейс: «Мам, я не собираюсь опять это обсуждать». Щёлкал указатель поворота. Лия посмотрела на приборную панель: её собственный поворотник был выключен. «Ты слышишь только то, что хочешь услышать». Впереди дорога изгибалась вправо, и Лия представила Грейс в этой точке: телефон в руке, глаза на экране, палец нажимает «отправить». «Не звони мне сейчас, ладно?» Встречная машина ослепила дальним светом. Лия дёрнула руль и заехала правыми колёсами на гравий, телефон соскользнул из подстаканника, она резко затормозила. Машина остановилась на обочине, и несколько секунд Лия сидела, обеими руками сжимая руль. Голос Грейс продолжал звучать на полу: «И не делай потом вид, что я сама не пыталась поговорить». Запись закончилась. Лия подняла телефон. До места аварии оставалось меньше полутора километров.

У старого моста дорога сужалась. Бетонные опоры стояли близко к полосам, покрытые старыми слоями краски; на той, в которую врезалась Грейс, темнело прямоугольное пятно. Город несколько раз закрашивал надписи и цветы, нарисованные друзьями, но кто-то всё равно приносил новые. Сегодня у основания лежал маленький букет в бумажной обёртке, и Лия не знала, кто его оставил. Она припарковалась дальше по обочине, включила аварийные огни и вышла. Было 22:06. Мимо проезжали машины, и каждая заставляла воздух толкать одежду к телу. Лия подошла к опоре и посмотрела на дорогу в обратную сторону. Следов аварии давно не осталось, только две маленькие металлические пластины в бетоне, к которым когда-то крепили фотографию Грейс. Снимок украли или сорвало ветром, и Лия не стала вешать новый.

Она присела возле цветов: белые хризантемы, дешёвые, купленные в супермаркете, на бумаге след от ценника. Лия коснулась лепестка и открыла журнал вызовов. 21:19, четыре минуты восемь секунд. Если Грейс говорила через автомобильную систему, звонок мог отвлечь её не больше обычного разговора. Если держала телефон, всё менялось. Если Лия кричала, всё менялось. Если сказала «тогда не приезжай», Грейс могла ехать быстрее. Если сказала «мне всё равно, что с тобой будет», как иногда слышалось Лии по ночам, то последнее, что дочь получила от матери, было не просьбой остановиться, а разрешением исчезнуть.

Телефон показал 22:11. Лия открыла чат с Прией: «Я у моста». Ответ пришёл через минуту: «Какого моста?» Лия отправила геолокацию и добавила: «Не помню восемь минут». Прия позвонила, Лия отклонила вызов. Телефон зазвонил снова, и она снова отклонила. «Я еду», — написала Прия. Лия не просила. Она села на холодный бетон у основания опоры, и машины проносились в нескольких метрах. Думать здесь было невозможно. За этим Лия и приезжала: в дорожном гуле не слышалось то, чего не было в записи.

В 22:24 на обочине остановилась машина Прии. Она включила аварийные огни, вышла и почти побежала к Лии.

— Господи. Ты написала, что не помнишь восемь минут, и перестала отвечать.

— Я в порядке. Я не перестала, я отклонила звонки.

— Это, по-твоему, лучше? — Прия опустила рядом на корточки. — Встань. Ты сидишь у дороги, где погибла Грейс.

— Я сижу на бетоне.

— Встань.

Лия поднялась. Прия взяла её за плечи и внимательно посмотрела в лицо. Ты пила? Нет. Принимала что-нибудь? Нет. Собиралась въехать в опору? Нет. Тогда почему она написала такое? Потому что не помнит восемь минут. Каких? Лия показала журнал вызовов: между двумя звонками, четыре года назад. И решила сообщить об этом именно сегодня ночью, сидя у места аварии.

— Я не думала, что ты решишь, будто я собираюсь умереть.

— Меган отправила сообщение за двадцать три минуты до того, как нашли её тело.

— Я не Меган.

— Тогда не веди себя как она.

Фраза повисла между ними. Прия первая отвела глаза.

— Прости.

— Не извиняйся за то, что думаешь.

— Это Сара так говорит?

— Нет.

— Похоже на неё.

Они отошли от дороги. За ограждением находилась узкая полоса сухой травы, и Прия села на металлический отбойник. Лия осталась стоять.

— Что за восемь минут?

— Я позвонила Грейс в 21:19. Мы говорили чуть больше четырёх минут. Потом я снова позвонила в 21:31. Между звонками выходила во двор, сигнализация это зафиксировала. Я не помню, зачем.

— Возможно, просто вышла подышать. После ссоры. Это не провал памяти. Люди не запоминают каждое действие.

— Я запомнила всё остальное.

— Нет. Ты думаешь, что запомнила.

— Теперь и ты объясняешь мне, что моя память ненадёжна.

— У всех ненадёжна.

— Удобно.

Прия устало вздохнула.

— Я приехала, потому что подумала, что ты в опасности. Не хочу сейчас спорить о формулировках.

Несколько машин проехали под мостом, свет фар скользнул по лицу Прии.

— Ты думаешь, что позвонила и отвлекла Грейс? Телефон нашли на полу.

— Она могла уронить его перед столкновением. Разговор закончился за одиннадцать минут до аварии.

— Ты считала.

— Сотни раз.

— Тогда звонок не шёл в момент удара.

— Это не значит, что ссора не повлияла.

— Нет.

Лия ожидала привычного возражения. Прия его не дала.

— Ты не скажешь, что я не виновата?

— Хочешь, чтобы сказала?

— Нет.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Лия села рядом. Отбойник был холодным даже через ткань брюк.

— Сара тоже не говорит.

— Знаю. Меня раздражает, что она выдаёт отказ прощать за честность.

— Это не одно и то же?

— Нет.

Прия смотрела на дорогу.

— Мой муж был за рулём, когда погибла наша дочь.

Лия повернула голову. Прия никогда не рассказывала, как умер её ребёнок: в группе говорила только «авария», и Лия представляла другой автомобиль, случайного водителя, мгновение, которое невозможно было предотвратить.

— Он отвлёкся на телефон, — продолжила Прия. — Я отправила ему сообщение. Спросила, купил ли он молоко. Он посмотрел на экран и проехал знак остановки.

Она говорила без слёз, возможно, потому что все слёзы были выплаканы до того, как Лия появилась в группе.

— Сколько лет было дочери?

— Одиннадцать.

— Муж выжил? Он всё ещё твой муж?

— Мы живём отдельно. Но не развелись.

Лия не смогла скрыть удивление.

— Вот, — сказала Прия. — Именно это лицо делает Сара. Будто я оставила дочь умирать второй раз. Ты подумала, как я смогла остаться.

Отвести взгляд оказалось проще, чем ответить.

— Он виноват. Не «несчастный случай», не «каждый может отвлечься». Он взял телефон за рулём, проехал знак, наша дочь сидела рядом. Он отвечает за её смерть.

— Его судили?

— Признал вину: лишение прав, условный срок, общественные работы. Прокуратура не стала требовать тюрьму. Я просила не требовать. Потому что он каждое утро просыпался в доме, где не было нашего ребёнка.

— Это не наказание по закону.

— Нет. Это хуже и дольше.

— А ты тоже просыпалась в этом доме. Рядом с ним.

Прия провела ладонью по металлу.

— Первые полгода я хотела, чтобы он умер. Не абстрактно: я представляла конкретные вещи. Как он не проснётся. Как попадёт под машину. Как я скажу на похоронах, что простила, хотя это будет ложь. Потом однажды он порезал палец. Обычная маленькая рана, кровь капнула на пол. Я бросилась за полотенцем, и уже когда держала его руку под водой, поняла, что не хочу, чтобы он умер. Я хотела, чтобы умер человек, которым он был в тот момент за рулём. Но его уже не существовало.

— Твоя дочь тоже уже не существовала.

— Знаю.

— И ты осталась. Простила?

Прия покачала головой.

— Нет. Мы не обязаны выбирать между прощением и ненавистью. Иногда люди продолжают жить рядом с тем, что нельзя исправить.

— Сара знает?

— Да. Сказала, что я сделала его боль важнее ответственности. А я сказала, что ответственность не обязана заканчиваться ещё одной могилой.

Лия вспомнила Меган: «Это не было несчастным случаем». Каждая фраза в признании закрывала путь назад и не оставляла места ни для слабости, ни для ошибки, ни для жизни после.

— Поэтому ты не хотела отдавать полиции сообщения.

— Не только поэтому. Я боялась, что они увидят переписку с Меган и решат, что я пыталась переписать её вину под свою. Я сказала ей, что можно признать ответственность и не убивать себя.

— Сара об этом знала?

— Знала, что мы спорим. Детали не знаю.

— Ты показывала ей сообщение Меган?

Прия встала.

— Мы говорим о Грейс. Ты сама начала про мужа. Я хотела объяснить: вина может быть настоящей и всё равно не давать человеку обязанности умереть.

— А если Меган не умерла сама?

— Тогда её вина вообще не имеет значения.

— Для того, кто написал признание, имела.

— Ты снова это делаешь. Берёшь всё, что человек говорит, и превращаешь в часть дела.

— Потому что у нас уже есть мёртвая женщина и текст, который ей не подходит.

— И есть Ивэн, который собирал записи.

— И Сара, которая закончила смысл фразы, прежде чем услышала весь текст.

— Она объяснила.

— Она всегда объясняет.

— А ты всегда находишь следующую причину ей не верить.

Лия посмотрела на опору.

— Но продолжаю звонить ей.

— Да. В этом нет ничего ненормального. Это удобно: Сара не просит тебя перестать чувствовать вину. Поэтому рядом с ней не нужно защищать её.

Лия не сразу поняла.

— Кого?

— Грейс.

Прия пошла к машине. Лия сказала, что уедет через несколько минут. «Я подожду». Не нужно. «Это не просьба». Она села в свою машину, но двигатель не выключила, фары освещали Лию и бетонную опору. Лия простояла возле цветов ещё несколько минут, потом вернулась к машине, и они выехали одновременно. Прия следовала за ней до самого дома.

В 23:07 Лия поднялась в квартиру. В 23:10 позвонила Сара. Лия смотрела на имя, пока звонок почти не прекратился, потом ответила.

— Прия тебе написала?

— Да. Я в порядке.

— Ты уехала от моста?

— Дома.

— Включи видеосвязь.

— Нет. Я сказала, что дома.

— Я тебе верю. Хочу увидеть, врёшь ли ты про остальное.

Лия подошла к окну. Прия всё ещё стояла внизу, машина работала. Через минуту фары погасли, и она уехала.

— Я не собираюсь ничего с собой делать.

— Хорошо.

— И всё?

— Что ещё тебе нужно?

— Не знаю.

— Тогда давай без готового ответа.

Сара говорила тихо. На фоне не было слышно ни телевизора, ни музыки, только редкий шелест, будто она перелистывала страницы.

— Ты записываешь?

Шелест прекратился.

— Нет.

— Что ты делаешь?

— Сижу на кухне. Держу в руке салфетку. Теперь достаточно подробно?

— Нет.

— Хорошо.

Сара не раздражалась. Это тоже раздражало.

— Сегодня годовщина последнего звонка.

— Я помню. Хочешь, чтобы я делала вид, что забыла?

— Нет.

— Тогда не наказывай меня за память.

Лия закрыла глаза.

— Я проехала её маршрут. Хотела понять, где она находилась, когда мы говорили.

— Поняла? Сколько длился звонок? Когда авария?

— Четыре минуты восемь секунд. Через одиннадцать минут после окончания разговора.

— Тогда телефонный звонок не происходил в момент столкновения.

— Это не доказывает, что я не отвлекла её.

— Нет.

Лия открыла глаза. На стекле отражалась кухня: светлая столешница, стул, старый телефон возле розетки.

— Ты могла бы хотя бы раз сказать, что я не виновата.

— Могла бы. Но не скажу. Не знаю, виновата ли ты в ссоре. Не знаю, что сказала Грейс. Не знаю, повлиял ли разговор на её вождение.

— Все остальные говорят.

— Все остальные хотят, чтобы ты перестала плакать рядом с ними.

Прямота Сары снова принесла облегчение. Лия ненавидела это облегчение.

— Есть восемь минут, которых я не помню. Между двумя звонками. Семь сорок четыре, если вычесть разговор.

— Что фиксирует журнал?

Лия рассказала: голосовое в 21:13, исходящий в 21:19, четыре минуты восемь секунд, второй звонок в 21:31. Сара не перебивала. Потом Сара спросила, говорила ли Лия Прии о восьми минутах. Поэтому та и приехала? А полиции после аварии Лия сказала, что не помнит содержания разговора? Лия ответила, что они спорили: о том, где была Грейс и почему не возвращалась домой. Что ещё? Не помню.

— Ты говорила ей не приезжать?

Лия сжала телефон.

— Возможно.

— Это слово из отчёта или твоё?

— Моё.

— Ты слышишь свой голос?

— Иногда.

— Что он говорит?

Лия подошла к столу и села.

— «Тогда не приезжай».

— Ещё?

— Не знаю.

— Знаешь.

— Нет.

— Ты четыре года возвращаешься к этому разговору. Есть фраза, которую боишься услышать.

— Это не значит, что я её сказала.

— Нет. Но она есть.

Лия молчала. Сара не заполняла паузу, и в этом была её сила. Другие начинали успокаивать, задавать новый вопрос, объяснять, что травма создаёт ложные воспоминания. Сара ждала, пока человек сам произнесёт то, от чего пытался уйти.

— Я иногда хотела, чтобы она исчезла, — сказала Лия.

Слова прозвучали тише, чем ожидалось. Сара не отреагировала.

— Не умерла. Я не хотела, чтобы Грейс умерла.

— Я этого не спрашивала.

— Но ты подумала.

— Нет.

— Тогда почему молчишь?

— Чтобы ты не исправляла себя раньше времени.

Лия прижала ладонь ко лбу.

— Мы постоянно ссорились. Последние месяцы каждый день. Из-за денег, машины, её друзей, того, где она ночует. Она приходила домой и сразу начинала защищаться, даже если я ничего не спрашивала. Я слышала её ключ в двери и уже злилась.

Сара дышала в трубке.

— Иногда я сидела на кухне и думала: пусть сегодня не придёт. Пусть переночует у кого угодно. Пусть съедет. Пусть перестанет звонить. Я просто хотела тишины.

— Как Меган?

Сравнение ударило неожиданно.

— Нет. Я не выбирала кофе, пока мой ребёнок тонул.

— Ты уверена, что именно это отличает вас?

— Что ты хочешь услышать?

— Ничего конкретного.

— Врёшь.

— Возможно.

Лия встала и прошла к комнате Грейс.

— Я хотела, чтобы ссоры прекратились. Иногда мне было всё равно, каким способом. Я хотела только одного: чтобы всё это с Грейс наконец прекратилось.

Сара оставалась на линии, и Лия услышала собственную фразу так, как она прозвучала со стороны. Всё это с Грейс. Не ссоры. Грейс.

— Не переворачивай, — сказала она сразу. — Я говорю о конфликтах.

— Я услышала.

— Я не желала ей смерти.

— Я этого не сказала.

— Но теперь будешь помнить именно так.

— Я буду помнить слова, которые ты произнесла.

Лия положила руку на дверной косяк.

— В этом и проблема. В любом человеке, который помнит всё.

Сара снова замолчала.

— Кaleb с тобой говорил. Фраза его.

Это был не вопрос.

— Значит, Меган говорила её не только ему. О ком?

— Вот ты мне скажи.

— Я не знаю.

— Ивэн?

— Возможно.

— Ты?

На другом конце линии едва слышно шевельнулась бумага. Не салфетка: более плотный лист.

— Ты устала, — сказала Сара.

— Ты ушла от вопроса.

— Сегодня ни один мой ответ не поможет тебе.

— Потому что ты не можешь соврать?

— Потому что ты не поверишь правде.

Лия смотрела в тёмную комнату Грейс.

— Завтра созвонимся.

— Нет.

— Хорошо.

— И всё?

— Ты сказала «нет». Я услышала.

Звонок завершился. Лия ещё несколько секунд держала телефон возле уха, потом экран погас. В квартире снова стало тихо. И только теперь Лия поняла, что Сара так и не спросила, собиралась ли она звонить Грейс во второй раз. Не спросила, почему в 21:31 Лия снова набрала

номер дочери, которая просила оставить её в покое. Не спросила, что Лия хотела сказать. Саре нужны были не звонки. Ей нужна была фраза.

Лия открыла блокнот и записала её точно: «Я хотела только одного: чтобы всё это с Грейс наконец прекратилось». Ниже добавила: «Разговор не записан». Она перечитала обе строки.

ГЛАВА 5

ХОРОШАЯ МАТЬ

На похороны Меган пришли люди, которых Лия никогда не видела. Они заполнили первые ряды церкви, оставив группе два последних. Женщины в тёмных платьях обнимали друг друга, мужчины стояли у стен, держа сложенные программки обеими руками, кто-то привёл детей, и те сидели непривычно тихо, чувствуя, что любое движение будет замечено.

Фотографию Меган поставили возле закрытого гроба. На ней она была моложе, с длинными волосами и загорелым лицом, а рядом стоял сын и прижимал к груди красную машинку. Ту самую, которая, по словам Меган, осталась на бортике бассейна. Лия увидела её и остановилась в проходе.

— Что? — спросила Прия.

— Ничего.

Она прошла к последнему ряду и села с краю. Прия заняла место рядом; чёрной тетради у неё снова не было. Рут пришла с Каледом, и они сели через два стула от Лии, оставив между собой пустое место. Сара появилась последней, за минуту до начала службы, в простом чёрном платье без украшений. Никого не обняла и не стала искать глазами Лию, села рядом с Рут и положила программку на колени. Ивэн стоял у колонны возле бокового выхода. Он не присоединился к группе, и Лия заметила телефон в его руке: экран был повернут к ладони. На церковных часах было 10:29. Органист сыграл первые ноты, все встали.

Лия не любила закрытые гробы. Они требовали веры в то, что человек действительно внутри, а открытые были хуже, но честнее. Священник говорил о Меган как о женщине, которую знали не все присутствующие: добрая сестра, преданная дочь, мать, любившая ребёнка больше собственной жизни. Он не произнёс, как умер её сын. Не произнёс, как умерла Меган. «Трагически ушла». «Не выдержала тяжести утраты». «Теперь снова рядом со своим мальчиком». Последняя фраза заставила Рут закрыть лицо ладонью. Лия не плакала. Она смотрела на фотографию и пыталась совместить женщину в зелёной рубашке, которая говорила о кофе, с молодой матерью возле бассейна, и ни одна из них не казалась более настоящей.

Сестра Меган сидела в первом ряду рядом с пожилой женщиной. Лия узнала её по форме лица и волосам: за последние три дня они ни разу не говорили, хотя Лия видела её возле парковочного гаража и позже в полицейском участке. Теперь сестра держала в руках сложенный лист. Когда священник закончил, она поднялась.

— Я не собиралась говорить. — Голос дрожал, но был громким. Она подошла к кафедре и положила лист перед собой. — Мне сказали, что лучше прочитать подготовленный текст. Что сегодня не место для вопросов и обвинений. — Она посмотрела на закрытый гроб. — Но Меган умерла именно потому, что слишком долго готовила правильные тексты.

В церкви стало тихо. Прия рядом с ней напряглась.

— После смерти сына Меган искала способ объяснить, почему она всё ещё жива. Она ходила к врачам, к пастору, в две группы. Потом нашла людей, которые убедили её, что горе недостаточно. — Сестра подняла глаза и стала смотреть в последние ряды, прямо на них. — Ей сказали, что она должна признать вину. Ей давали упражнения. Заставляли снова и снова описывать день смерти ребёнка, искать места, где она лгала, исправлять слова, делать их честнее.

Рут покачала головой. Сара не двинулась.

— Мы не знали. Семья не знала, что она приносит туда тексты и что посторонние люди решают, какая версия смерти нашего мальчика достаточно правдивая. — Она развернула лист.

— Перед смертью Меган прислала мне признание. Написала, что сознательно оставила сына в опасности. Что не заслуживает жить.

Священник шагнул к кафедре, но сестра подняла руку.

— Нет. Я закончу. Полиция называет это предсмертным письмом и говорит, что оно подтверждает самоубийство. Но я видела старые записи Меган. Видела, как менялись её слова после встреч. Сначала она писала, что отвернулась, потом что оставила. Сначала что могла не заметить, потом что знала.

Сара сидела прямо, руки лежали на программке. Лицо оставалось спокойным, но большой палец медленно проводил по сгибу бумаги.

— Вы не помогли ей признать правду, — сказала сестра. — Вы превратили её в спектакль. Каждую неделю собирались и смотрели, как она доказывает, что была плохой матерью, а когда ей нечего стало добавить, кто-то помог написать финал.

По залу прошёл шёпот. Рут поднялась:

— Это неправда.

Калек схватил её за рукав, но она вырвалась: «Нет. Она обвиняет нас». Сестра посмотрела на неё.

— Я обвиняю человека, который вёл эту группу.

Все взгляды переместились к Саре. Она медленно встала.

— Меня зовут Сара Уитмор. Группу веду я.

Сестра сошла с возвышения, обошла священника, который попытался встать между ними.

— Вы знали, что она собирается это сделать?

— Нет.

— Она говорила, что хочет умереть?

— Не мне.

— Но вы заставляли её говорить, что она убила сына.

— Я не заставляла.

— Тогда как вы это называете?

Сара выдержала паузу.

— Мы не должны обсуждать слова Меган здесь.

Сестра рассмеялась, коротко и резко, почти радостно.

— Теперь вы вспомнили о границах?

— Особенно после её смерти.

Сестра подошла ближе.

— Вы хорошая мать, Сара?

Лия увидела, как Рут опустила голову, а Прия перестала дышать. Вопрос был не о группе. Даже люди, которые ничего не знали, почувствовали это. Сара посмотрела на фотографию Меган.

— Нет.

Один короткий ответ. Сестра ждала продолжения, но его не было.

— У вас умерли двое детей, — сказала она. В церкви кто-то ахнул. Сара не изменилась в лице. — И муж после этого покончил с собой.

— Да.

— Поэтому вы решили, что можете учить других матерей правде?

— Нет.

— Тогда зачем вы это делали?

— Потому что после смерти моих детей люди годами говорили со мной так, будто я перестану понимать простые слова, если они не будут достаточно мягкими.

— Меган не нужна была ваша жестокость.

— Возможно.

— Не говорите «возможно».

— Я не буду лгать вам на похоронах вашей сестры.

— Она мертва из-за вас.

Сара приняла фразу так же, как принимала всё остальное: не отступила, не стала доказывать, что была дома, не напомнила, что Меган была взрослой, не спряталась за правилами группы.

— Мне жаль.

— Мне не нужно, чтобы вам было жаль.

— Знаю.

Сестра ударила её ладонью по лицу. Звук разнёсся по церкви громче любого крика. Рут снова вскочила, Кaleb удержал её, священник подошёл к сестре Меган, и пожилая женщина в первом ряду заплакала. Сара не прикоснулась к щеке.

— Вы должны уйти, — сказал священник, и было непонятно кому.

Сара кивнула.

— Мы уйдём. — Она повернулась к группе. — По одному. Без разговоров здесь.

— Ты не можешь просто... — начала Рут.

— Могу.

Сара вышла через боковую дверь, Рут последовала за ней. Кaleb остался возле прохода, будто не мог решить, куда идти. Прия взяла Лию за руку: «Пойдём». Лия не встала. Она смотрела на сестру Меган, которая вернулась к гробу и прижималась лбом к крышке. Рядом лежал лист с подготовленной речью, и она не прочитала из него ни строчки.

* * *

На церковном дворе пахло свежескошенной травой. Сара стояла у каменной ограды; на щеке проступало красное пятно, в уголке губы запеклась капля крови. Рут ходила перед ней взад-вперёд.

— Ты должна была ответить. Сказать, что Меган сама пришла, что никто её не держал. Она ударила тебя, а ты будешь делать вид, что это нормально? Вызови полицию.

— Нет.

— Почему?

— Потому что её сестру сегодня хоронят.

— Хоронят Меган.

— Именно, — сказала Сара и на секунду закрыла глаза.

Кaleb стоял у ступеней, Прия разговаривала со священником, люди выходили из церкви и старались не смотреть в сторону группы. Лия искала Ивэна и нашла его под деревом в дальнем конце двора. Телефон он держал перед собой, и экран светился. Рут увидела это тоже и остановилась.

— Он записывал.

Сара повернула голову. Ивэн опустил телефон, но слишком поздно. Рут пошла к нему.

— Удали. Ты записал её сестру. На похоронах.

— Она говорила публично.

— Это не даёт тебе права.

— Даёт. Вы разговаривали рядом со мной, а мне не нужно твоё согласие, если я участвую в разговоре.

— Ты не участвовал.

— Сейчас участвую.

Рут схватила его за запястье. Телефон качнулся, Ивэн перехватил его другой рукой: «Отпусти». Сначала удали, ответила она и потянула телефон на себя, и они на секунду сцепи-

лись над маленьким чёрным устройством. Сара подошла и взяла Рут за пальцы: не за плечо, не за запястье. По одному разжала их на руке Ивэна.

— Хватит.

— Он записал всё! Там голос Меган, наши встречи, Нора...

— Откуда ты знаешь, что у меня голос Норы? — спросил Ивэн.

Рут поняла, что сказала лишнее.

— Потому что ты сам говорил о записях.

— Я говорил о скриншотах.

— Какая разница?

— Большая.

Сара встала между ними.

— Тайна не даёт права отнимать чужую вещь.

— Ты защищаешь его? Только что защитила!

— Я остановила тебя. — Она повернулась к Ивэну. — Что у тебя в телефоне?

Он улыбнулся:

— Чужая вещь.

Рут снова шагнула вперёд, Сара не двинулась, но этого хватило. Рут остановилась.

— Ты боишься, что он записал тебя. Тогда почему позволяешь ему уйти?

— Потому что я не полиция.

— А когда Лия ведёт себя как полиция, тебя это устраивает?

Лия поймала на себе сразу несколько взглядов. Сара не обернулась.

— Лия задаёт вопросы. Она не вырывает телефоны из рук.

— Пока.

Ивэн убрал устройство в карман.

— Мне пора.

— Ты был здесь ради похорон? — спросила Лия.

— А ты?

— Я знала Меган.

— Я тоже.

— Две недели?

— Достаточно, чтобы заметить, что её слова кому-то принадлежали больше, чем ей.

Сара повернулась к нему.

— Не сегодня. Потому что её семья рядом.

— Именно поэтому. Сестра Меган сказала вслух то, что вы все обсуждаете шёпотом.

— Она говорила из горя. Это не значит, что она ошибается. Это значит, что её слова принадлежат ей, а не твоей записи.

— Слова не перестают существовать, когда человек сожалеет, что их произнёс.

Сара стояла к Лии спиной, и лица её Лия не видела. Но видела руку: Сара снова водила большим пальцем по указательному, будто разглаживала невидимый сгиб.

— Ты записывал наши встречи? — спросила Сара.

— Иногда.

Рут выругалась.

— С какого дня?

— Это важно?

— Да.

— Тогда спроси у полиции.

— Они знают?

— Теперь знают.

Сара кивнула:

— Хорошо.

Ни страха, ни попытки договориться. Если записи Ивэна угрожали ей, она хорошо это скрывала. Или не боялась их.

— Удали запись похорон.

— Нет.

— Я не могу заставить. Но прошу. Через месяц сестра Меган может захотеть, чтобы этот момент не существовал нигде, кроме её памяти.

— А если через месяц она будет отрицать, что обвинила тебя?

— Пусть.

Ивэн смотрел на неё несколько секунд. Потом достал телефон, нажал на экран и показал таймер. Запись продолжалась, красные цифры отсчитывали время. Лия увидела название файла: автоматическая дата и время начала, 10:17. Он записывал ещё до входа в церковь. Ивэн остановил запись, но не удалил.

— Этого достаточно?

— Нет, — ответила Сара. — Но больше мне не принадлежит.

Он ушёл. Рут смотрела ему вслед.

— Ты должна запретить ему приходить.

— Я запретила. После смерти Меган.

— А если придёт?

— Дверь не откроем.

— У него всё равно останутся записи. Тебя это не беспокоит?

— Беспокоит, — сказала Сара. — Но беспокойство не даёт мне права отнять телефон.

Лия слышала в этих словах принцип. И одновременно идеальную демонстрацию принципа: Сара сделала именно то, что должен был сделать человек, которому нечего скрывать. Защитила Ивэна от Рут, остановила запись, но не потребовала уничтожить, не спросила, что сохранилось. Это могло быть искренностью. И Лия знала, насколько удобно выглядит искренность, когда её показывают при свидетелях.

* * *

В 11:38 двор почти опустел. Прия уехала с Рут, Калевб остался помочь пожилой женщине донести цветы до машины, а Сара стояла у своей машины и пыталась открыть бутылку воды: пластиковая крышка не поддавалась. Лия подошла, сорвала кольцо и вернула бутылку.

— Спасибо.

Сара приложила холодную бутылку к щеке. Красный след от ладони стал ярче.

— Болит?

— Да.

— Ты правда не заявишь?

— Нет.

— Почему позволила ей ударить?

— Не позволяла. Я стояла и слушала.

— Она подошла слишком близко.

— Теперь ты тоже будешь учить меня, как вести себя рядом с человеком в горе?

— Я пытаюсь понять.

— Нет, — Сара отпила воду. — Ты пытаешься решить, было ли это заслуженно.

Лия не стала отрицать. Они пошли к дальнему краю стоянки, где машины стояли редкими рядами, а у церкви остались только сотрудники похоронного бюро и несколько родственников.

— Сестра Меган видела старые тексты. Она заметила то же, что я.

— Что формулировки менялись. Меган хранила упражнения дома.

— Какие вы делали?

— Человек записывал событие так, как рассказывал другим. Потом отдельно, чего боится признать. Потом сравнивал.

— Ты правила тексты?

— Я задавала вопросы. Иногда предлагала убрать слова, за которыми человек прятался: «наверное», «случайно», «возможно», «как будто».

— Это и есть редактирование.

— Если тебе нужно так назвать, да.

Вопрос о глубоком конце поднимался Лии к горлу. Как ты узнала смысл этой фразы раньше, чем услышала текст? Она приготовила его ещё утром, представляла, как произнесёт спокойно, не обвиняя, не давая Саре превратить разговор в очередное упражнение. Но Сара заговорила первой.

— Вчера ты спросила, считаю ли я тебя хорошей матерью.

— Я не спрашивала.

— Хотела спросить.

— Не решай за меня.

— Хорошо. Тогда я скажу без вопроса. — Она поставила бутылку на крышу машины. — Я не знаю, была ли ты хорошей матерью. Я знаю тебя только после Грейс: знаю, какой ты стала, когда уже ничего нельзя исправить. Это не даёт мне права придумывать женщину, которой ты была до аварии.

— Можешь спросить.

— У кого? У тебя? Ты сейчас не надёжный свидетель.

Фраза должна была разозлить. Вместо этого Лия почувствовала облегчение: Сара не называла её хорошей матерью, не говорила, что Грейс знала, как сильно её любят, не пыталась превратить одну фотографию, школьный кубок и сохранённую комнату в доказательство безупречной любви.

— Мы ссорились каждый день. Я говорила ужасные вещи. Иногда хотела, чтобы она ушла и не возвращалась. И ты не скажешь, что я всё равно была хорошей матерью?

— Нет. Ты была человеком после ужасной ссоры. Твоя дочь умерла прежде, чем вы обе успели отступить. Это не делает тебя хорошей матерью. И не делает убийцей.

Слово прозвучало неожиданно.

— Я не говорила, что убийца.

— Но четыре года пытаешься доказать причинную связь между звонком и аварией.

— Она могла существовать.

— Могла. Я сказала, что плохая мать и убийца не одно и то же. Даже если в тот вечер ты была плохой матерью.

Лия отвернулась. На другом конце стоянки работник складывал переносную рампу, металл ударял о металл.

— Ты единственная, кто может сказать это так.

— Потому что остальные боятся, что ты возненавидишь их.

— А ты не боишься?

— Боюсь. Это не значит, что страха нет.

Лия посмотрела на красный след у неё на щеке.

— Ты знала, что сестра Меган ударит?

— Нет. Но предполагала, что она обвинит группу.

— Почему не предупредила нас?

— Вы бы не пришли?

— Не знаю.

— Поэтому.

Лия снова вспомнила фразу о глубоком конце. Можно было спросить сейчас. Сара стояла в двух шагах, не защищалась, не просила сочувствия, не называла себя невиновной. На похоронах позволила обвинить себя, во дворе защитила человека, который тайно записывал встречи. Если она что-то скрывала, всё это было слишком точным. Если нет, подозрение Лии было отвратительным: очередной попыткой найти человека, на которого можно перенести собственную вину.

— Что ты хотела спросить?

— Ничего.

— Неправда.

— Неважно.

— Для тебя важно.

Лия открыла машину.

— Я устала.

— Тогда сегодня не ищи смысл в чужих словах.

— Ты опять командуешь.

— Да.

— Я не обещаю слушаться.

— Знаю.

Лия села за руль, Сара закрыла дверь снаружи. Несколько секунд они смотрели друг на друга через стекло. Лия могла опустить окно и задать вопрос. Вместо этого завела двигатель. В зеркале заднего вида Сара осталась стоять на пустом месте и держала бутылку возле разбитой губы.

По дороге домой Лия удалила из блокнота вопрос, который записала утром: «Как Сара узнала смысл “глубокого конца”?» Страницу она не вырвала, а заштриховала строку, пока слова не исчезли под чёрным пятном.

В 13:07 Холл прислал сообщение: «Нужно уточнить ваше заявление. Свяжусь завтра». Лия прочитала и не ответила. В 14:26 Рут написала в общий чат: «Если Ивэн придёт, я вызову полицию». Сара ответила: «Не придёт». «Откуда ты знаешь?» — спросила Рут. Ответа не было. В 15:10 Прия спросила Лию, добралась ли та домой, Лия написала: «Да». Это была вся их переписка.

Она сняла чёрное платье, бросила на пол в ванной и легла на кровать, не закрывая шторы. Спать не получилось. Перед глазами стояла Сара у гроба. «Нет». Так она ответила на вопрос, была ли хорошей матерью: без объяснений и без просьбы не трогать её детей. Лия попыталась представить, что почувствовала бы сама, если бы на похоронах чужой женщины кто-то спросил о Грейс. Она бы ушла. Или ударила первой. Сара осталась.

В 18:40 Лия заставила себя встать. На кухне стоял запах испорченной еды: контейнер Рут так и лежал в холодильнике. Она выбросила его, вымыла полку и открыла окно. На столе лежал рабочий блокнот, и чёрное пятно проступило через страницу. Лия перевернула лист: слова на обратной стороне всё ещё можно было разобрать. Она закрыла блокнот.

В 20:05 телефон завибрировал: сообщение от Калеба. Сначала пришла фотография: белый лист на деревянной поверхности, в верхнем углу дата семимесячной давности, ниже имя Меган, написанное от руки, и заголовок «Упражнение 4. Факт и страх». Лия увеличила изображение. Текст состоял из двух колонок: слева «Что произошло», справа «Чего я боюсь признать». Почерк Меган был неровным, некоторые слова зачёркнуты. В левой колонке: «Я оставила его играть на мелкой ступеньке и села за стеклянной дверью. Я думала, что вижу его. Я отвернулась на телефонный звонок и не заметила, когда он соскользнул в воду». В правой: «Я боялась, что если перестану смотреть, могу его потерять. Я всё равно отвернулась».

Лия прочитала ещё раз. Могу его потерять. Не «знала, что потеряю». Не глубокий конец. Не сознательное решение оставить ребёнка в опасности.

Следом Кaleb прислал файл «МЕГАН_УПРАЖНЕНИЕ_4_ОРИГИНАЛ». Дата создания совпадала с датой на листе, а сам файл оказался сканом того же упражнения на трёх страницах. На второй Меган описывала кофе, на третьей отвечала на вопрос «Что вы изменили в рассказе, чтобы выглядеть лучше?»: «Я говорила, что не слышала тишину. На самом деле услышала и решила, что он спокойно играет. Я не проверила. Я не знала, что он в опасности. Но знала, что должна посмотреть». Фраза была страшной. Но не той, которая появилась в признании: «Я знала, что он был у глубокого конца. Я слышала, что он перестал кричать, и не пошла к нему».

Кто-то не просто подделал текст Меган — он изменил смысл. «Я знала, что должна посмотреть» стало «я знала, что он был в опасности». «Могла потерять» превратилось в «знала, что потеряю». Ошибка стала намерением.

Лия вернулась к переписке.

«Откуда это у тебя?»

Кaleb долго не отвечал, три точки появлялись и исчезали. Наконец: «Меган отдала мне до последней встречи». Лия спросила, зачем. «Сказала сохранить». Почему не отдал полиции? «После похорон отдам. Она просила не раньше». Лия набрала: «Она знала, что умрёт?» — «Нет». Потом ещё одно сообщение: «Она боялась, что текст изменят».

Лия села. За окном проехала машина, свет скользнул по потолку и исчез.

«Кто изменит?»

Точки появились, пропали, появились снова. «Не пиши об этом в группе». — «Почему?» — «И не говори Саре».

Лия посмотрела на имя. Кaleb знал, что она выбрала Сару вместо вопроса. Или предполагал. Она предложила встретиться завтра. «Где?» — «Не в центре». Лия написала, что полиция должна увидеть оригинал сегодня, и он ответил: «Сначала ты». «Почему я?» Ответа не было. Лия позвонила, Кaleb отклонил вызов. Через минуту пришло последнее сообщение: «Потому что Ивэн записывал встречи».

Она открыла обе версии рядом: старое упражнение Меган и финальное признание. Голос оставался похожим: те же короткие предложения, те же повторения, те же детали, кофе, тишина, стеклянная дверь. Но кто-то убрал сомнения. Не придумал новую историю, не заменил Меган другим человеком, только отредактировал степень её вины. Так мог сделать тот, кто слышал её много раз. Тот, у кого были записи.

Лия открыла чат с Сарой. Последнее сообщение оставалось без ответа: «Сегодня не ищи смысл в чужих словах». Она начала печатать: «Кaleb прислал мне упражнение Меган». Остановилась и удалила. На экране по-прежнему был старый текст: «Я боялась, что если перестану смотреть, могу его потерять».

Она вспомнила телефон Ивэна, красные цифры записи, его вопрос о точном времени публикации, его слова, что признания звучат не так, как люди, которым они принадлежали. Возможно, он заметил это потому, что сам их переписывал.

Лия сохранила файл в трёх местах: на телефоне, в облаке и на рабочей почте, которой не пользовалась с начала медицинского отпуска. Потом написала Калебу: «Завтра в девять. Назови место». Он прислал адрес копировального салона в центре Роли. Не кафе, не дом, а помещение с камерами, сотрудниками и людьми, которые постоянно входят и выходят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.